

**РОЛЬ ТЮРКО-ТАТАРСКОГО СОСТАВНОГО
В СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩЕГО
«НАРОДА» УЛУСА ДЖУЧИ XIII–XIV ВВ.**

Д.М. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
monitoring_vkt@mail.ru*

Цель: Исследование этнических процессов, происходивших в Улусе Джучи (Золотой Орде) в XIII–XIV вв., которые остаются вне поля зрения историков.

Материалы исследования: Комплекс письменных исторических источников, материалы исторических, этнологических, лингвистических и археологических исследований.

Результаты и научная новизна: Точнее было бы сказать, что эти процессы трактуются в крайне упрощенных формах, суть которых сводится к «ассимиляции» монголов с численно преобладавшими половцами (кыпчаками). К этим недостаткам в отечественных исследованиях добавляются ещё другие, на этот раз возникающие под влиянием историков из Татарстана, стремящихся ликвидировать традицию отрицательной маркировки правящего «народа» Золотой Орды, именовавшегося в прежней литературе «татаро-монголами». В реальности для достоверного описания этнических процессов, происходивших в XIII–XIV вв. в рамках золотоордынского общества и закончившихся формированием этнии татар (средневековых татар), надо хорошо представлять этнические слагаемые данного «народа». Между тем, этот вопрос до сих пор разработан совершенно недостаточно, особенно плохо изучена роль восточных кыпчаков-кимаков, элита которых имела татарскую идентичность, в формировании средневековых татар. Кроме того, следует обратить внимание и на участие в этнополитических процессах, происходивших в Улусе Джучи, алтайских тюрков, а также тесно связанных с татарами уйгуров из бывшего Кимакского каганата. Изучение названных аспектов обширной проблемы становления взамен этнии «мэн-да» нового «народа» средневековых (золотоордынских) татар позволяет построить иную модель этнических процессов в Улусе Джучи, чем это было прежде.

Ключевые слова: этнические процессы, Улус Джучи, Улус Берке, Улус Тука-Тимура, Улус Шибана, татаро-монголы/монголо-татары, кланы, кимаки

Для цитирования: Исхаков Д.М. Роль тюрко-татарского составного в становлении государствообразующего «народа» Улуса Джучи XIII–XIV вв. // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 290–324. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.290-324

В предыдущей нашей статье, посвященной анализу этнического содержания понятия «мэн-да»/«монголо-татары», была отмечена необходимость отдельного разбора проблемы закрепления за государствообразующим этнополитическим ядром Улуса Джучи/Золотой Орды термина «татары» [24]. Действительно, как в отечественных, так и в зарубежных публикациях, посвященных изучению этой державы мирового уровня (общий обзор литературы см.: [13]), явно недостаточное внимание обращалось на происходившие в ее рамках этнические процессы, связанные как с социально-полити-

ческой структурой данного государства, так и с более ранней историей народа «мэн-да» Великого Монгольского государства. То, что этот аспект изучения истории Улуса Джучи упускается из виду и зарубежными историками, видно по работам таких известных исследователей, как П.Голден, Т.Барфилд, Т.Мэй [47; 5; 51].

В результате такая важная для понимания исторической динамики золотоордынского общества XIII–XIV вв. проблема, как установление предпосылок, механизмов и конечных итогов формирования из этнополитического объединения «мэн-да» эпохи становления Еке Монгол Улуса нового этносоциального организма «татар», точнее, средневековых или золотоордынских «татар» эпохи Улуса Джучи, отчетливо фиксируемых в большом числе исторических источников, до сих пор остается до конца невыясненной.

Именно поэтому возникла парадоксальная ситуация, особенно характерная для ряда современных отечественных работ, включая и учебную литературу, посвященную курсу истории России, когда в них под воздействием нескольких факторов, в числе которых надо отметить и реакцию на труды историков Татарстана, стремящихся ликвидировать традиционную для России сугубо отрицательную коннотацию периода так называемого «татаро-монгольского ига», начали избегать привычной двойной маркировки Золотой Орды как «татаро-монгольского» государства, переключившись на ее обозначение как «монгольской» державы или этнически неопределенной «Орды». Это привело к тому, что стало трудно понять, как в результате деконсолидации во второй половине XIV – начале XV вв. государствообразующего этнополитического ядра данного «монгольского» государства образовалось целое созвездие тюрко-татарских политий, чье население летописцами Московского великого княжества, находившегося в обширных контактах с ними, однозначно фиксировалось как «татары».

Обозначенная выше маркировка Золотой Орды вызвана не только политическими причинами (о них см.: [21]), но и сугубо научными – подобная трактовка зиждется на неизученности этнических, точнее, этнополитических процессов, происходивших в рамках Улуса Джучи со времени его образования. Кроме того, в историографии, не только в отечественной, но и в зарубежной, бытует в корне неверный подход о сложении золотоордынских «татар» в результате «ассимиляции» пришлых «монголов», численно преобладавших над местным кыпчакским населением [7, с. 127; 54, р. 73]. При этом, во-первых, упускается из виду, что политически доминировавшая в Золотой Орде группа состояла вовсе не из одних «монголов», а была «татаро-монгольской» общностью; во-вторых, судя по проведенному нами ранее анализу, у кыпчаков, точнее, у их восточной части – кимаков, – обнаруживается собственное «татарское» составное, позволяющее взглянуть на проблему становления в Улусе Джучи средневековых татар и татарской идентичности иначе, чем это было принято до сих пор.

В этих условиях очевидна целесообразность обращения к истории Золотой Орды под особым углом зрения, а именно, исходя из задачи описания становления в этом государстве взамен прежних этний «мэн-ва» и «мэн-да» нового «народа татар». При этом следует обратиться и к ранней этнополитической истории владения Джучи, начавшегося формироваться еще в рамках Еке Монгол Улуса и включавшего в свой состав тюркские группы зоны Ал-

тая и более западных территорий, на что следует обратить особое внимание из-за того, что это усилило тюркское составное населения данного улуса. Хотя эта тема и привлекала ранее наше внимание [22], она заслуживает повторного рассмотрения в связи с отмеченным в предыдущей статье выявлением особой роли татаро-кимакского населения в процессе формирования средневековых (золотоордынских) татар.

Если обратиться к вопросу об истоках Улуса Джучи, то обнаружится, что его начало надо искать в решениях Чингиз-хана о выделении своим четверым сыновьям от старшей жены – Джучи, Чагадаю, Угэдею и Толую, согласно монгольской традиции имевшим преимущественное право на наследство, в том числе и политическое, – отдельных уделов, вначале в виде всего лишь частей «монгольского народа», а затем уже и как крупных уделов, включающих не только монгольское ядро, но и многочисленные покоренные народы. Так как формирование таких владений занял о довольно длительный период, мы солидарны с мнением В.В. Трепавлова, критиковавшего тех исследователей, которые основание Улуса Джучи (Золотой Орды) пытались датировать лишь временем возвращения монгольской армии из Центральной Европы в 1242 или 1243 г. [13, с. 172]. На самом деле выделение собственного удела Джучи на основе решения Чингиз-хана произошло значительно раньше и началось около 1206–1207 гг., другое дело, что затем в результате дальнейших завоевательных походов монгольской армии это владение к 1240-м гг. расширилось, достигнув огромных размеров, а через некоторое время и вовсе став самостоятельным государством.

Согласно «Тайной истории монголов» и «Алтан Тобчи» Лубсан Данзана, около 1207 г. Чингиз-хан принял решение «выделить» своим ближайшим родственникам «уделы». Тогда Джучи были выделены 9000 юртов (семей) и «приставлены» к нему три нойона – Хунан, Мункеур и Кете [41, с. 120; 33, с. 186]. По всем данным, это владение состояло из собственно «монголов» и имело свою территорию кочевания, которая, однако, остается точно не известной.

Сообщение монгольских источников подкрепляется Рашид ад-дином. Так, он отмечает, что когда Чингиз-хан «делил эмиров и войско между царевичами», то дал Джучи четырехтысячное войско, состоявшее из 4-х тысячных подразделений: первое – из *сиджиутов* во главе Мунгур/Мунгеур (Мунгэде) – нойоном, второе – из *кингигов* во главе с Кутан-нойоном, третье и четвертое – из *хушинов* во главе с Хушитай-нойоном и Байку (не исключено, что это – одна личность: Хушидай-Байку – см.: [38а, с. 172]). Также см. более полную информацию: [15а, с. 177–178, 183; 15б, с. 274]). Хотя допустимо предположить, что эти тысячные подразделения собирались за счет указанных выше 9 тыс. юртов (семей), полной уверенности в этом нет, да и о самом числе этих юртов в источниках есть некоторые разночтения, о чем ещё скажем далее. Тем не менее, имена двух нойонов (Хунан/Кутан и Мункеур/Мунгур) из собственно монгольских источников и из Рашид ад-дина частично совпадают, что подтверждает получение Джучи своего народа-войска. Дополнительно эта информация подкреплена и другим известием, содержащемся в монгольских источниках, рассказывающих о распоряжении Чингиз-хана темнику-нойону Хунану «во главе своих [сородичей] кенигесцев» перейти в подчинение к Джучи [41, с. 105; 33, с. 150]. Несомненно, тут подразумевается воинское подразделение из клана *кингигов* во главе с Хунан-

нойоном. Сам же этот клан относился к «изначальным» монголам ветви *нирун*, как и племя сиджиут; к старым монгольским кланам Рашид ад-дин относил и группу хушин, хотя ее нет среди тех, кто восходил к ветви нирун [38а, с. 78]. Таким образом, в данном случае удел Джучи состоял еще только из кланов «монголов», но затем ситуация начала меняться, что случилось после похода этого Чингизида на «Лесные народы».

Согласно сведениям источников, в «год Зайца» (1207) по повелению Чингиз-хана Джучи во главе «войска Правой руки» был послан подчинить «Лесные народы», до которых надо было пройти и земли западных монгольязычных племен (ойраты, буряты и др.), ещё не присоединенных к владению Чингиз-хана. По мнению одних исследователей этот поход предполагал выход на Саяно-Алтайское нагорье и прилегающую зону [9, с. 163], по мнению других – продвижение значительно дальше – в бассейн Иртыша, на старую родину кимаков [42, с. 49–51]. Думается, что верна последняя точка зрения, но она требует дополнительной аргументации.

Заметим, что ко времени начало похода Джучи отрядами Субэдея уже были рассеяны меркиты, а отрядами Джэбе – разбиты найманы во главе с Кучлуком [41, с. 118; 33, с. 182–183]. В последнем случае надо принять во внимание, что «места», где найманы «сидели», включали не только «Большой» [Еке] Алтай, но и «Кок Иртыш» (там обитало «племя *канглы*») и «Иртыш-мурэн» (Иртыш), а также «горы», которые лежали «между той рекой (т.е. Иртышом – Д.И.) и областью киргизов» [38а, с. 136–137]. Бассейн р. Иртыша был знаком монголам и раньше – в 1205 г., когда разбитые монголами отряды меркитов бежали в направлении «реки Эрдыш», уйдя «в сторону канглинцев и кипчаудов» переправившись через нее [41, с. 39], монголы их преследовали. Об этом сообщает и Джувейни, указавший на бегство меркитов в «Каракум, место обитания канглы» [8, с. 200]. Так что не исключено появление монголов в бассейне Иртыша уже в ходе преследования меркитов и найманов в 1205 г. (другая дата – в 1208 г.). Поэтому поход Джучи скорее всего был частью названных выше действий монголов против меркитов и найманов.

Как доказывает Б.Р. Зориктуев, общий маршрут движения войск Джучи был по западной стороне о. Хубсугул, по долине р. Шикшик (юго-восточная Тува), далее по территории Тувы и Хакасии с выходом в зону верховий р. Енисея [9, с. 162–163]. Однако, этот поход имел и продолжение в юго-западную Сибирь, что этим исследователем не акцентируется, но предполагается В.В. Трепавловым [42, с. 50–51]. Ко времени названного похода, возможно уже в 1201 г., «в силу ярлыка» Чингиз-хана было подчинено племя *баргут*, жившее в местности Баргуджин-Токум, локализуемой Рашид ад-дином «на той стороне р. Селенги», на «самом краю земель, которые населяли монголы» [38а, с. 121; 9, с. 146]. Так как покорение баргутов тогда было проделано с опорой на клан кунграт, в дальнейшем баргуты, бывшие тюрками [35], оказались с ними «близки и соединены» (через брачные связи – Д.И.) [38а, с. 118, 184–185]. Как гласят источники, по ходу продвижения войск Джучи его войска вышли на местность «Шихшит» (в Туве) и ему вначале добровольно покорились *ойраты*, *буряты* (*бурийаты*), *бурхаты* (*баргуты?*), *урсуты* (*убсуты*), *хабханасы* (*хабсаги*), *хангасы*, *тубасы*, затем и *кыргызы* [41, с. 119; 33, с. 184; 38а, с. 150]. После этого были покорены группы, относившиеся к собственно «Лесным народам»: *шибир* (*шибер*), *кэсдэм* (*кесдин*),

баид (*баит*), *тукас*, *тенлек* (*тэлэнг*), *тоелес* (*тогулас*), *тас* (*тан*), *бичигэт* (*бачжиги*) [41, с. 119; 33, с. 184]. Джучи, завершив поход, забрал с собой в ставку Чингиз-хана князей (нойонов) покоренных народов, при описании состава которых в источниках есть некоторая разница – в «Тайной истории монголов» говорится только о «нойонах Лесных народов» и «киргизских темниках и тысячниках», между тем в «Алтан Тобчи» первая группа нойонов оставлена так же, а вторая группа описана несколько иначе – как «нойоны киргизские, туматские и мингатские» [41, с. 119; 33, с. 184]. Эти детали нужны для того, чтобы разобраться в дальнейшем в этническом составе покоренных в 1207 г. Джучи, кланов. Но до этого скажем, что после рассматриваемого похода «Лесные народы» были жалованы (отданы в подданство) Чингиз-ханом Джучи [41, с. 119; 33, с. 184].

Итак, речь надо вести о начале оформления в 1207 г. у Джучи более обширного владения, включавшего в свой состав не только «коренных» монголов, но и немонгольские этнические группы, расселявшиеся в Саяно-Алтайском нагорье и на прилегающих территориях, а также в юго-западной Сибири. То, что данный удел в указанных границах (они еще будут уточнены) действительно был закреплен за Джучи, может подтвердить одно сообщение Рашид ад-дина, относящееся к 1218 г. [38б, с. 256]. Там говорится, что после восстания туматов (оно случилось в 1217 г.) для их повторного покорения монголы пытались привлечь киргизов, а когда те отказались и также восстали, Чингиз-хан «послал к ним своего сына Джучи с войском», приведшем в ходе похода в покорность туматов и киргизов [38а, с. 151]. Отсюда вытекает, что именно Джучи нес ответственность за регион, где жили туматы и киргизы, а это – Саяно-Алтайское нагорье и прилегающие зоны, включая и юг Западной Сибири, о чем будет сказано ниже подробнее. Теперь, когда факт расширения границ удела Джучи после 1207 г. в северном направлении установлен, попытаемся разобраться с этнической принадлежностью тех племен, в особенности принадлежавших к «Лесным народам» и отданных Джучи. Это позволит нам определить границы владения Джучи в первых двух десятилетиях XIII в.

Относительно этнической принадлежности киргизов, чье вхождение в состав удела Джучи не вполне ясно, хотя показательно то, что в 1218 г. именно Джучи их покорил повторно, споров нет – это были тюрки, населявшие «две области», составившие «одно владение» – «Киргиз» (Хакасо-Минусинская котловина) и «Кэм-Кэмджиут» (Тува). Одна «сторона» этого владения «соприкасалась» с р. Анкара-мурэн, доходя при этом «до пределов области *Ибир-Сибир*», а та часть, которая именовалась «Кэм-Кэмджиут», «соприкасалась с местностями и горами, где сидят племена найманов». Согласно Рашид ад-дину, к этой области была «близка» и «местность Баргуджин-Токум», где жили «племена кори, баргу, тумат и байаут» [38а, с. 150]. Кто же были по этнической принадлежности эти последние кланы? Хотя не ясно, вошли ли они все во владение Джучи, одна из этих групп – *баид* (*баит/байаут*), – точно относилась к «Лесным племенам» (см. выше). Так вот, Рашид ад-дин отмечает, что племена баргут, кори (хори) и тулас «близки друг с другом», и их «называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища [находясь] на той стороне Селенги, на самом краю местностей и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-Токум» [38а, с. 127]. Тут надо отметить, что группа «кори» – это туматы, так как в

«Тайной истории монголов» она названа «хори-туматским племенем» [41, с. 119]. Когда Рашид ад-дин пишет, что «племена кори, баргу, тумат и байаут, из которых некоторые суть монголы» [38а, с. 150], это вряд ли относится к первым трем группам, в которых достаточно обоснованно исследователи видят тюркоязычные кланы [27, с. 227; 9, с. 164–180 и др.]. Уже отмечалось, что наименование клана тумат может быть возведено к древнему тюркскому этнониму *дубо* (*тума/дубо*) [31, с. 141]. Как полагает Л.Р. Кызласов, туматы (т.е. дубо/тубо) первоначально жили в Тувинской котловине, откуда в XII в. были вытеснены ойратами в «пределы страны киргизов» [31, с. 138]. Действительно, Рашид ад-дин видит в племени тумат (следовательно, и в группе кори/хори) «ответвление от баргутов», указывая, что они жили в «пределах страны киргизов» [38а, с. 122]. Несомненно, некоторое смешение перечисленных, родственных баргутам кланов с монголами имело место, в частности, Рашид ад-дин сообщает о брачных связях представителей монгольского клана мангыт с баргутами [38а, с. 184]. Однако это вряд ли привело к быстрой ассимиляции тюркоязычных групп баргутской линии монголами.

Сейчас обратимся к другим группам, упоминаемым среди «Лесных народов». Относительно урсутов, которых Рашид ад-дин помещает «в пределах страны киргизов и кэм-кэмджиутов» или «по ту сторону киргизов, [на расстоянии] около одного месяца пути» [38а, с. 123], у персидского историка можно найти два мнения. Согласно одному, группа *урасут* (*урсут*), наряду с кланами *теленгут* и *хуштеми*, были «монголами из лесного племени», а согласно другому, эти племена были лишь «подобны монголам» [38а, с. 122–123]. Современные исследователи склоняются к заключению о тюркском происхождении урсутов, как и групп теленгут и куштеми, обитавших в верховьях Енисея [9, с. 153]. Недалеко от них жили хабханасы, чье наименование совпадает с хакасским этнонимом *хапхын* (это у них сеок, т.е. род), т.е. мы опять имеем дело с тюркским кланом. *Тубасы* и *тухасы*, обитавшие в районе о. Хубсугул (Тува), также являлись тюрками. Насчет клана *баут* (*байаут*), расселявшемся на входе в Саяно-Алтайское нагорье на водоразделе р. Селенги, есть некоторые сомнения, не были ли они монголами [9, с. 162]. Но это спорно – группа байаут известна и среди кимаков, что уже было отмечено. А вот насчет кланов *тэлэнг* (*тенлек*), *тоелес* и *тас* сомнений нет – это тюрки, так как данные этнонимы хорошо известны среди родов (сеоков) тувинцев и алтайцев [9, с. 162]. Можно, видимо, согласиться и с выводом Б.Р. Зориктуева относительно тюркоязычности группы *бачжи* (*байджигит*) [Там же]. Детальнее обо всех этих кланах см.: [9, с. 153–162].

Дискуссионным является мнение Б.Р. Зориктуева о наименовании «шибир» / «шибер», причисленным им к топонимам, как он полагает, отражающим название упоминающейся у Рашид ад-дина при описании «области» киргизов смежной с ней «области Ибир-Сибир» [38а, с.150], как считает данный исследователь, находившейся в «районе слияния Ангары и Енисея» [9, с. 161]. Так как этот вопрос прямо связан с определением западных пределов, достигнутых войсками Джучи в ходе похода 1207 г., он требует отдельного анализа.

Что касается собственно «Тайной истории монголов» и «Алтан Тобчи», то в них «шибир/шибер» – это этноним, так как за ним скрывается один из кланов из числа «Лесных народов». Далее, согласно названным источникам, при перечислении «народов», входивших в эту группу, клан *шибер* был отнесен к са-

мым отдаленным от собственно монгольских земель племенам [41, с. 119]. Несмотря на то, что имеется соблазн сопоставить это этноним с названием «Ибир-Сибир», вопрос о наименовании «шибир/шибер» не так прост.

Начнем с того, что у персидского историка локализация указанной выше «области» произведена по отношению ко второй «области» киргизов – к Кэм-Кэмджиуту (последняя, несмотря на то, что один раз названа рекой, в остальных случаях у него все-же признана «областью» [38а, с. 150; 38б, с. 112, 250]). Если вчитаться в текст этого историка, то окажется, что там речь идет в целом о территории, находившейся к северу или даже к северо-западу от области Кэм-Кэмджиут (см.: «одна сторона соприкасается с [бассейном] большой реки, которую называют Анкара-мурэн, доходя до пределов области Ибир-Сибир» [38а, с. 150]). А так как еще одна «сторона» Кэм-Кэмджута, на этот раз, скорее всего, её юго-западная часть, по Рашид ад-дину, соприкасалась с «местностями и горами, где сидят племена найманов» [38а, с. 150], то получается, что речь в последнем случае идет об алтайском направлении, севернее, точнее северо-западнее которого и должна быть локализована «область Ибир-Сибир». На самом деле она упоминается в XIV – начале XV вв. у ал-Омари, ибн Арабшаха, в «Анониме Искандера» в составе Золотой Орды, но без точной локализации (в последнем источнике, правда, отмечено, что эта «область» относилась к «правому крылу» государства) [17, с. 52]. Полагаем, что местонахождение этой «области» помогают определить русские летописи, в которых применительно к 1480-м годам фигурирует понятие «Сибирская земля», обозначающее территорию в бассейне р. Иртыш, находившуюся где-то в районе г. Чимги-Тура (Тюмень) [16]. К сказанному следует добавить, что сибирским татарам был известен и «низкорослый народец» (иногда отмечалось его родство с «остяками») – предшественник татар, именовавшийся «сытыр». К тому же у сибирских татар в прошлом существовала и волость Супра, чье название отражает этноним «суныр/сытыр» [17, с. 53]. Поэтому, хотя наименование «Ибир-Сибир/Сибир-Ибир» (в среднем диалекте татарского языка, кстати, есть фразеологизм *ыбыр-чыбыр* со значением «мелкий, незначительный, детвора») ко времени Рашид ад-дина и являлось названием «области», оно все-же напоминает этникон (*ибир*, в данном случае, это всего лишь вариант понятия *шибир*), восходящий к этнониму *шибир*, в период похода хана Джучи в начале XIII в. обозначавший конкретную этническую группу. В этой связи заметим, что нам уже ранее приходилось писать о том, что группа *шибер/шибир* (*сытыр*) может быть увязана с хорошо известным среди гунно-болгарских племен кланом *савир/сабир/сувар* [17, с. 53]. (Об этом клане более подробно см.: [52]). В таком случае действительно получается, что войска Джучи не только дошли в 1207 г. до Западной Сибири, оказавшись в бассейне р. Иртыш, но и покорили там «народ *шибир*».

Ранее В.В. Трепавлов высказал мнение [42, с. 505] о том, что Джучи в Западной Сибири подчинил и кимаков, продолжавших частично находиться на Иртыше. Его гипотеза опирается на работу Б.Б. Кумекова, утверждавшего, что после массовой миграции кыпчаков в XI в. «одна часть кимаков удержалась на своей древней земле – Иртыше» [29, с. 128–129]. Однако из монгольских источников мы этого не видим, они говорят только о подчинении в этом регионе Джучи «народа шибир». Но можно согласиться с данным исследователем в том, что из завоеванной Джучи в 1207 г. территории у него впоследствии оста-

лась только часть: Южная Сибирь (Тува и прилегающая зона) в конце концов отошла к Коренному юрту, перейдя затем к младшему сыну Чингиз-хана Толую. Вопрос, однако, в том, когда это произошло, ибо до окончательного решения Чингиз-хана о наследнике престола Джучи еще являлся претендентом на владение Коренным юртом, который фактически был слит с имперским центром. Территория Алтая, не очень богатая, но престижная (древнетюркский юрт!), отошла к Угэдею скорее всего после его вступления в 1229 г. на престол Монгольской империи, будучи также включена в состав Коренного юрта, возможно, не полностью [42, с. 47–51]. Однако в последнем случае следует иметь в виду, что основная зона Алтай могла быть завоевана вовсе не Джучи в 1207 г., а присоединена в ходе походов Субэдея и Джэбе против меркитов и найманов в 1215–1216 гг., если не раньше. Но надо иметь в виду, что в походе на меркитов, бежавших в последнем случае к кыпчакам, мог участвовать и Джучи [38а, с.116; 38б, с.128]. Заметим, что весной 1220 г., когда Чингиз-хан отправился в поход на Государство хорезмшахов, он «лето провел в долине Иртыша, чтобы лошади [до осени там] откормились» [38а, с. 197, 256]. Как видим, и в данном случае зона Западной Сибири выступает как территория, которая была подконтрольна монголам. Но частичный переход удела Джучи в состав центрального владения не мог произойти до того, как был определен наследник престола Монгольской империи, что произошло не ранее 1219 г., а, возможно, даже окончательно лишь в 1226 г. [38а, с. 197, 258], ибо Джучи, как уже было отмечено, являлся одним из претендентов на это место. Поэтому не удивительно, что в 1218 г. Джучи пришлось заново подчинять туматов и киргизов – речь шла о его собственном владении.

В целом можно сказать, что после 1207 г. в уделе Джучи появились новые тюркские группы, возможно, в некоторых случаях (например, в случае с киргизами), достаточно многочисленные, что в данном владении усилило вес «тюрко-татарского» составного его «народа». В дальнейшем оно должно было увеличиться еще больше, ибо Джучи был назначен на завоевание кыпчаков. Но до этого случился ряд драматических событий, на которых необходимо остановиться потому что с ними связана дальнейшая территориальная трансформация удела Джучи.

Накануне похода Чингиз-хана в 1219 г. на «саратульский народ», т.е. против Государства хорезмшахов, одна из его жен подняла вопрос о престолонаследии, в ходе обсуждения которого возник конфликт между Джучи и Чагадаем, при разрешении которого представители «Алтын Урука» во главе с ханом пришли к выводу, что наследником станет Угэдей. При этом Чингиз-хан сказал Джучи и Чагадаю, что тем следует править «отдельно друг от друга» над «иноземными народами», причем «широко раздвинув отдельные кочевья» [41, с. 128–132]. В ходе ссоры между Джучи и Чагадаем, последний нанес тогда своему старшему брату смертельную обиду, назвав его «наследником меркитского плена» [41, с. 128], т.е. поставив под сомнение его генетическое происхождение от Чингиз-хана. Хотя отец и сделал за такой проступок серьезное порицание Чагадаю, его выбор в качестве наследника Угэдея кроме прочих причин был явно связан и с его личными сомнениями относительно происхождения старшего сына. В реальности именно двое старших сыновей Чингиз-хана были «лишними», так как Угэдею предстояло занять престол империи, а младшему Толую – править Коренным юртом, где

пока сидел младший брат Чингиз-хана Отчигин, впоследствии переживший своего старшего брата. Действительно, перед уходом в названный выше поход, Отчигин-нойону было доверено управление «Великим Аурухом» или «Великой ставкой» [41, с. 132; 33, с. 225]. Старшинство Угэдея, которому должны были подчиниться и его старший брат Джучи, и Чагадай, четко фиксируется в монгольских хрониках в 1221 г., когда в них говорится, что, направив на завоевание г. Ургенча, столицы Государства хорезмшахов, Джучи, Чагадая и Угэдея со своими воинами из Правого крыла [33, с. 226], Чингиз-хан предупредил, что двое первых «должны повиноваться словам Угэдея» [33, с. 226; 41, с. 133].

Параллельно этим боевым действиям, в 1221 г. отряд во главе с Субэдей-багатуром был, согласно монгольским хроникам, вроде бы отправлен «на север», где он должен был завоевать 11 стран и народов: *канглы (канлин), кыпчак (кипчаут), бачжигит (башир), оросут, мачжарат, асут, хасут, сасут (сангут), серкесут, болар (буляр), кэрэл (рарал/лалат)* [41, с. 135; 33, с. 228], что предполагало выход на «Идил» (*Иджил*) и «Джсайхан» (*Аях*), дойдя затем до города «Кивамен-кермена» (Хий-э). Но все дело в том, что эта общая задача – она была явно поставлена тогда Чингиз-ханом – была оставлена на более поздний период, так как в реальности Джэбе-нойону и Субэдей-нойону пришлось срочно заняться погоней за Мухаммад-хорезмшахом по территориям Хорасана, Ирана и Азербайджана (затем оттуда они вышли на просторы Дешт-и Кыпчака) [38б, с. 257]. В данном случае показательно то, что к 1221 г. ещё только ставилась задача завоевания кыпчаков и канглы. Следовательно, последние, жившие в бассейне Кок-Иртыша [38а, с. 137], в ходе предыдущих походов монгольских войск ещё не были завоеваны, хотя мы уже видели, что весной 1220 г. Чингиз-хан временно находился в районе Иртыша. Следует обратить внимание и на то, что в обозначенном выше списке «стран» и «народов», подлежащих подчинению, йемеки (кимаки) не указаны; не исключено, что они скрываются под общим наименованием «кыпчаки». Но это не означает, что зона Иртыша не входила в состав удела Джучи; входила, что далее станет яснее.

В ходе завоевания среднеазиатских владений хорезмшахов, когда монгольские войска в 1220 г. осаждали г. Отрар (там находился и сам Чингиз-хан, а с ним были его сыновья Чагадай и Угэдей), Джучи был с другой группой отправлен на захват Янгикента и Дженда, а также Барчинлигкента с окрестностями [38б, с. 198, 257]. После завоевания Янгикента одна группа из войск Джучи ушла на захват ставки тюрок-канглы [38б, с. 200]. Затем по распоряжению Чингиз-хана, Джучи, Чагадай и Угэдей были посланы на захват Хорезма (зима 1220/1221 гг.) [38б, с. 257; 38в, с. 78], откуда двое последних Чингизидов весной 1222 г. вернулись к отцу, а вот Джучи «ушел в свое становище и улус» [38б, с. 257]. Где же они были? Об этом сообщает Рашид ад-дин, уточняющий: «Джочи-хан... направился в сторону Иртыша, где находились его обозы, и присоединился к своим ордам» [39в, с. 77]. Так окончательно выясняется, что центр владения (улуса) Джучи к 1222 г. несомненно находился в «стороне Иртыша», что подтверждает вхождение этой территории в его удел ещё в 1207 г. Наконец, вот что говорит Рашид ад-дин в своем «повествовании о Джучи-хане»: «Все области и улус, находившиеся в пределах реки Иртыша и Алтайских гор (так! – Д.И.), летние и зимние кочевья тех ок-

рестностей, Чингиз-хан пожаловал в управление Джучи-хану и издал беспрекословный указ, чтобы [Джучи-хан] завоевал и включил в свои владения области Дашт-и Кыпчак и находящиеся в тех краях государства» [39в, с. 78]. На самом деле в этом сообщении содержатся два известия: первое – об уделе Джучи к 1222 г. (результат похода 1207 г.), второе – относительно плана дальнейшего его расширения в общеимперских интересах, но не без выгоды самому Джучи. Что касается границ его удела к 1222 г., то показательно, что он ещё включал пределы «Алтайских гор», но вряд ли район Енисея, так как из «Алтан Тобчи» видно, что в числе туменов, подчинявшихся лично Чингиз-хану, в составе трех «западных» подразделений назван тумен под названием «двенадцать туматов» [33, с. 244]. А туматы, как мы уже видели, жили в «стране киргизов». Поэтому можно полагать, что южносибирские земли, территория Тувы, уже отошли к Коренному юрту.

Но информация о возложении Чингиз-ханом на Джучи задачи нового завоевательного похода требует разбора. Прежде всего, у Рашид ад-дина есть следующее высказывание: «...[Еще] раньше Чингиз-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кыпчак и другие области тех краев» [39в, с. 78]. В принципе, это распоряжение Чингиз-хана частично повторяет приведенное выше известие о планах, возложенных в 1221 г. на Субэдея, но оставшихся тогда не реализованными. Скорее всего, такой приказ действительно существовал, так как, во-первых, Рашид ад-дин отмечает, что «воссевший на трон» Угэдей-каан задачу «покорения северных областей» поручил «членам рода Джучи-хана», но на «основании ранее изданного Чингиз-ханом неукоснительного указа Джучи-хану» [39в, с. 74]; во-вторых, похожие сообщения есть и в других источниках (см. данные Джувейни, Казвини [10, с. 257, 274]). Но когда же Джучи все-таки получил это распоряжение? Для ответа на этот вопрос – а без него трудно будет понять логику дальнейших действий Джучидов после смерти Джучи – обратимся к другим данным.

Известно, что после возвращения из победоносного похода на владения хорезмшаха, в 1225 г. – «год Курицы» – Чингиз-хан занялся обустройством завоеванных территорий, в ходе которого в его ставке было принято решение «отделить Джочи, назначив его главным правителем кыпчаков» (тогда же Чагадаю была дана «страна сартагчинов», т.е. Мавераннахр). Как рассказывает Лубсан Данзан, Чингиз-хан «отправил [тогда] Джочи главным даругачи над кыпчаками» [33, с. 229–230]. Как мы далее увидим, это сообщение подкрепляется и другими источниками. Согласно Лубсан Данзану, после названного решения Чингиз-хан для управления «землею оросутов и черкисутов» выделил уже знакомого нам Хукин-нойона, ранее стоявшего во главе кингитов, но сейчас он был сделан ответственным за «западную половину владения» Джучи, ему Чингиз-ханом были также выделены 8000 людей [33, с. 232], что свидетельствует о его статусе темника. Как сообщает эта же хроника, после того, как Хукин-нойон «дошел до места», был «также [отправлен] Мунгэту-багатур», стоявший во главе сиджиутов [33, с. 233]. Данные Рашид ад-дина подтверждают сказанное: он указывает, что Мунгэде-нойон «в эпоху Бату... ведал войском», указав, что у Токты один из старших эмиров (Черкес) был «из его рода» [38а, с. 183]. Он же отмечает, что эмир по имени Хушидай-Байку, которого «Чингиз отдал... Джочию вместе с войском...», командовал

правым крылом войск Бату» [38а, с. 172]. Тут возможны разные трактовки: или эти известия относятся к уделу Джучи безотносительно к конкретному времени, или все же такая передвижка воинских подразделений, вверенных Джучи, произошла после принятого в 1225 г. решения о расширении удела Джучи. В его уделе в новых границах уже могли присутствовать и кыпчаки, ибо ему были пожалованы северная часть Хорезма (низовья Амударьи) и восточный Дешт-и Кыпчак [13, с. 171], включавшие восточных кыпчаков-йемеков и канглы.

Но остальных кыпчаков ещё только предстояло завоевать. По образному выражению ан-Нувеири, Чингиз-хан «назначил» Джучи «летовья и зимовья от границ Кыялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» [10, с. 80]. А до «Саксина и Булгарских пределов» в 1223 г. отряды Субэдея и Джэбе действительно доходили. При этом, судя по указанному выше высказыванию Рашид ад-дина, Джучи удалось сохранить в своем владении бассейн р. Иртыш и частично «Лесные народы», о чем может свидетельствовать указание персидским историком вхождения в его удел зоны «Алтайских гор».

Однако, после решения о передаче Джучи в качестве дополнения к его прежнему владению «кыпчаков», что-то произошло между ним и Чингиз-ханом, ибо Рашид ад-дин рассказывает, что Джучи «уклонился» от завоевания «северных стран», на приглашения отца прибыть к нему, отказывался, сказавшись больным. Дело дошло до того, что рассерженный Чингиз-хан якобы приказал, чтобы «войско выступило в поход в его (Джучи – Д.И.) сторону, и чтобы впереди всех отправились Чагадай и Угэдей». Вслед за ними он сам также собирался выступить против своего старшего сына [39в, с. 79]. Джучи от карательного похода спасла только его внезапная кончина, как предполагают, возможно, он был убит в феврале 1227 г. по распоряжению отца, подозревавшего его в сепаратизме [13, с. 171]. Некоторые основания для подобных заключений действительно имеются, в особенности, если иметь в виду его особую любовь к «Кыпчакской земле». Как сообщает Джузджани, когда тот «увидел воздух и воду Кыпчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих»... Как рассказывает этот автор, «в ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: «Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам». Джузджани даже отмечает, что Чингиз-хан «послал доверенных лиц своих отравить и убить» своего старшего сына [10, с. 250–251]. Как бы то ни было, Джучи на котором висело «меркитское проклятье», оказавшись в плотном тюркском окружении из сибирских тюрок, йемеков, канглы, возможно и найманов, мог захотеть обособиться от имперского центра, что еще не означает реализацию данного плана при его жизни. Но завоеватель мира пережил Джучи всего на полгода, однако, судя по всему, успев передать удел Джучи его сыну Бату, которому пришлось заняться теми завоеваниями, от которых его отец «уклонялся». Мы на этих завоевательных походах детально останавливаться не будем, но некоторые сюжеты, необходимые для выяснения

особеностей этнических процессов, происходивших в Улусе Джучи в дальнейшем, вкратце рассмотрим.

Началу походов монгольских войск в направлении «северных стран» предшествовала интронизация Угэдея в 1229 г, признанного «каганом» (каан), т.е. ханом ханов. Согласно «Тайной истории монголов», в «год Мыши (1228/1229 г.) в Келуренском Кдеу-арал'е собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевици Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевицилевой руки; Толуй и прочие царевици Центра; царевици, зятя, нойоны и тысячники» [41, с. 138]. Это был курултай, происходивший 19 сентября 1229 г., но сбор знати начался еще весной 1228 г. (в «первых днях весны»). Он происходил в «старинном юрту и Великой ставке», находившемся «в местности Келурен», куда «из Кыпчака» прибыли сыновья Джучи-хана (Урдада, т.е. Орда, Бату, Шибан, Берке, Беркечар и Бука (Тука) – Тимур, «из Каялыга» Чагадай «со всеми сыновьями и внуками», «из Имиля и Кунака» – Угэдей с сыновьями и «родом своим», «с востока», т.е. из Коренного юрта – Отчигин, Бильгутаи-нойон, двоюродный брат Ильджидай – нойон и сын Качиун. К приходу последних там уже находился Тулуй-хан, «глава дома и Коренного юрта», известный как Еке/Улуг-нойон. Рашид ад-дин отмечает, что «все царевици и эмиры направились со [всех] сторон и краев» в ту местность [39в, с. 18–19]. Данное событие важно с нескольких точек зрения. Во-первых, как отмечает «Юань ши», на этом «большом сборе всех князей (*ваанов*) и всех чинов... посмертным рескриптом Тай-цзу (Чингиз-хана – Д.И.) император (*каан* Угэдей – Д.И.) был возведен на престол» [45, с. 478]. Во-вторых, на этом курултае были подтверждены пожалования, в том числе и связанные с выделением уделов, сделанные Чингиз-ханом. В третьих, именно после этого события – решение вероятно было принято на курултае – «Кокошай (видимо, сын второго – Д.И.) и Субэдай-бахадур» были посланы «с войском (речь идет о 30 тыс. воинов – Д.И.) в сторону Кыпчака, Саксина и Булгара» [39в, с.21]. Джувейни пишет то же самое: «В землю кыпчаков, саксинов и болгар он (Угэдей-каан – Д.И.) послал Кокетейя и Субутая-бахадурас... войском [8, с. 127]. Об этом не датированном походе, оставшемся малоизвестным из-за того, что он оказался «перекрытым» последующим гораздо более масштабным событием – начатым весной 1235 г. общеимперским наступлением «на западные страны» [45, с. 486]; есть намек и в «Тайной истории монголов», где сказано: «Субетай-багатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено ещё при Чингизхане» [41, с. 138]. Показательно, что с этим рейдом был отправлен Субэдей, которому названный регион был уже знаком. Не исключено, что тогда был запланирован выход на волжские рубежи. Но удивительно, что Бату, уже «воссевший в своем улусе на ханский престол в качестве преемника отца» [39в, с. 79] и явно успевший в 1229 г. получить подтверждение своих прав, в отмеченном походе не принимал участия. Возможных объяснений тут два: или он тогда был занят обустройством собственного владения, или ему пришлось подавлять сопротивление покоренных народов. Не исключено, что тогда Бату был недоволен тем, что у него отняли Алтай [13, с. 138].

Два независимых друг от друга источника дают возможность определения даты названного выше рейда 30-тысячного отряда монгольских войск: арабский хронист конца XIII в. Ибн Васил под 627 г.х. (1229/1230) приводит

известие о том, что «вспыхнуло пламя войны между татарами и кыпчаками» [10, с. 49]; сообщение Лаврентьевской летописи, датированное 1229/1230 гг., дает некоторые детали происходившего: «... Саксины и Половцы възбегоша из низу к Болгарам перед Татары и Сторожеве Болгарьским прибегоша бьени от Татар, близ реки, ей имя Яик» [37, с. 453]. Ясно, что данная акция была направлена прежде всего против кыпчаков и болгар. В случае с кыпчаками скорее всего речь надо вести об их объединении во главе с кланом *алпарлы* (*олбурлик*) под предводительством Бачман-султана, чья столица – г. Актюба – находилась в бассейне р. Яика в районе современного г. Оренбурга [15]. Похоже, что этот поход был подготовкой к более крупному политическому событию, которое вскоре и случилось.

Несмотря на некоторые успехи войск Субэдея-бахадур – не исключено, что зимой 1231/1232 гг. они подошли к «Великому городу» (Биляр) [13, с. 140] – из-за сильного сопротивления «народов», которые было предписано завоевать, ему на «помощь» [41, с. 133] понадобились новые войска. Как сказано в «Тайной истории монголов», Угэдей-каан решил весной 1235 г. ему в поддержку отправить «Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей» [41, с. 138]. По данным Джувейни, оно было принято на специальном курултае, где «состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были ещё окончательно покорены и гордились своей многочисленностью» [10, с. 258]. Угэдей-каан намеревался даже лично отправиться в поход «в Кыпчакскую степь», но его сын Менгу отговорил его [39в, с. 35]. В итоге каан «остановился на том, чтобы царевичи... с... многочисленным войском отправились в области кыпчаков, русских, булар, маджар, башгирд, асов, в Судак...; и они занялись приготовлением» [39в, с. 36]. Это было общеимерское мероприятие, так как распоряжение о нем гласило: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья – царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых... не имеют. Нойоны – темники, тысячники, сотники и десятники, а также и люди всех состояний обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправляют на войну и царевны и зятья» [41, с. 138]. Состав высшего звена войск Монгольской империи из Чингизидов по Рашид ад-дину выглядел так: сыновья Джучи – Бату, Орда, Шибан, Тангут; дети Чагадая – Бури и Байдар, брат Кулкан; дети Тулуя-Менгу (Менку) и Бучак; сыновья Угэдея-Гуюк и Кадан [39в, с. 37; см. также: 10, с. 258]. В войсках находились и «почтенные эмиры», т.е. нойоны, из которых мы знаем Субэдея-бахадур [10, с. 258], о некоторых скажем позже. Известно, что на царевича Бури было возложено «начальствование» над «частями из Центрального улуса» [41, с. 138]. Общее руководство, похоже, было возложено на Бату, ибо, по Рашид ад-дину, «все собрались вокруг Бату и занялись завоеванием северных стран» [39в, с. 72; 41, с. 141]. Поход начался между февралем и мартом 1235 г. и «царевичи» выступив из своих мест пребывания... в пределах Булгара соединились (с Джучидами – Д.И., см.: [39в, с. 327]); от множества войск земля стонала и гудела». Столица Волжской Булгарии была взята штурмом, при этом, как рассказывает Джувейни, погибли 270 тыс. болгар [10, с. 256–259].

Так начался великий поход по завоеванию «северных стран», продолжавшийся до марта 1242 г., о котором нет необходимости подробно расска-

зывать, так как об этом уже многократно писалось [13, с. 137–168]. Нас же будут интересовать некоторые детали, которые позволяют раскрыть особенности этнополитических процессов, происходивших позже на завоеванных в ходе похода 1235–1242 гг. землях. Прежде всего отметим, что Гуюк и Менгу в конце 1240 г. – начале 1241 г. покинули армию, находившуюся в западном походе, согласно Рашид ад-дину, «по приказанию каана» [39в, с. 39–40; см. также: 45, с. 492]. Согласно же «Тайной истории монголов», с ними уехал и Бури, причем этому отъезду предшествовала крупная ссора Гуюка и Бури с Бату, что видно из секретного донесения последнего Угэдей-каану [41, с. 141]. Прибывшие в имперский центр Гуюк и Бури попали в опалу каана, который распорядился отправить последнего для наказания к своему отцу Чагадаю, а Гуюка (о Менгу информации нет) – на «суд» Бату [41, с. 142]. Это «полевое дело» навсегда испортило отношения Бату с Гуюком, ставшем вскоре во главе Великого Монгольского государства и предопределило нежелание Бату иметь с ним дело, а следовательно, и с неудобным себе имперским центром. Далеко не случайно, что в дальнейшем Бату в престолонаследных делах поддерживал Толуидов, а не Угэедедов.

Заслуживают внимания и подробности, связанные с составом войск Джучидов, а также районов их действия в ходе похода 1235–1242 гг., ибо они позволяют высказать некоторые соображения об этнической и клановой принадлежности подчиненных им групп и территории их проживания. Начнем с того, что в сообщении Рашид ад-дина о приходе осенью 1236 г. царевичей «в пределы Булгар» вначале говорится о выступлении «Бату с Шейбаном, Бурулдаем и войском в поход против буларов и башгирдов», а затем, в связи с дальнейшими событиями, отмечается: «Шейбан, составлявший авангард с 10000 людей, послал известие [Бату] ...» [39в, с. 37]. Упомянутый тут Бурулдай не только назван «эмиром», но и отмечен далее в сражении, происходившем во главе с Шибаном [39в, с. 37]. Так как в совершенно самостоятельных русских летописях «Бурандай/Бурондай богатырь» фигурирует среди «первых воевод» Бату в боевых действиях против «Болгарской земли», Владимиро-Суздальского княжества, при завоевании Киева [19], информация Рашид ад-дина должна быть принята к сведению, тем более, что она частично перекликается с данными Джувейни [8, с. 185–186] и «Истории Вассафа» [10, с. 268]. Далее, у Утемиша-хаджи сообщается, что перед походом Шибана «в вилайаты Крыма [и] Кафы» в конце 1230-х годов к имевшимся у него «тридцати тысячам человек» ему были ещё приданы «десять тысяч кыйатов [и] йуралдаев» [43, с. 94–95]. Речь, как видим, идет о выделении Шибану 4-х туменей, в последнем случае состоявшем из 10000 кыйатов во главе с Бурундай-нойоном (йуралдаи – испорченные от Бурулдай). Похожее сообщение есть и в «Умдет ал-ахбар» Абд ал-Гаффара Кырыми [19, с. 25]. Этнический состав других воинских подразделений, подчиненных Шибану, позволяет расшифровать «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», в котором есть известие о том, что «Шейбан-хан проявил большую доблесть при завоевании Булгара, Руссов, Асов и в сражении с Башгирдами. За это ему были пожалованы сорок тысяч человек». Далее в источнике сказано: «... имена предводителей этих сорока тысяч [таковы]: кыйат Бурулдай бик, затем дед (предок) [Гали] бика из кунгратов, Тайбуга из буркутов, Тукбуга из тюменей» [цит. по: 19, с. 25].

Таким образом, мы узнаем о нахождении в ведении Шибана 4-х туменей, очевидно приданных ему решением Угэдей-каана, состоявших из клановых войск групп *кыйат*, *кунгурат*, *буркут*, *тюмен*. Ясно, что состав этих групп отличается от состава тех клановых войск, которые имелись у Джучи. Но эти группы были не совсем чужды для той территории, которая первоначально находилась в уделе Джучи (кроме клана кыйат; тюмен – это, надо полагать, уже знакомая нам группа тамат/тама/тува). В связи со сказанным отметим также, что мать Бату происходила из «рода кунгурат» [39в, с. 71]. Старший сын Джучи, Орда, также происходил от матери-кунгуратки [39в, с. 66]; в свою очередь он был женат на Джеке-хатун из «рода кунгурат», как и его внук Баян, родившийся от «Нукулукан-хатун из рода кунгурат» [39в, с. 67].

После того, как монгольские войска дошли «до города Великого (Биляра – Д.И.) и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили покориться», и «тамошние вожди Баян и Джику изъявили покорность», им было разрешено вернуться обратно, но они «опять возмутились», и Субэдей-бахадур пришлось подчинять их заново [39в, с. 37–38]. Вслед за тем разные группы монгольских войск пошли «каждый со своим войском облавой», при этом Менгу «с левого крыла» двинулся «по берегу моря» [Каспийского]; в итоге этого похода он пленил «одного из тамошних эмиров, из народа кыпчаков, из племени олбурлик» по имени Бачман, а «из племени асов» Качираукулэ [39в, с. 38]. Далее персидский историк приводит довольно длинный рассказ о том, как Бачман был пленен, заключив его сообщением, что он и глава «асов» были затем убиты [39в, с.38]. Похожий рассказ есть и у Джувейни [8, с. 399–400]. Сообщение о том, что Менгу «ходил походом на кыпчаков, разбил их и схватил их главаря Бачмана», есть и в «Юань ши» [45, с. 490]. Он фигурирует и в другом сообщении из «Юань ши», когда речь идет о том, что Угэдей «приказал [Субэдею – Д.И.] быть в авангарде и сразиться с Бачманом», причем тут про Субэдея сказано, что он был назначен «командовать главной армией» [45, с. 503]. Очевидно, эти «кыпчаки», населявшие Нижнее Поволжье и бассейн р. Яик, были серьезной силой, если против них был отправлен сам Субэдей, что следует принять во внимание при обращении к проблеме становления средневековых татар в Улусе Джучи.

Так как в нашу задачу не входит описание политических и социальных процессов, происходивших в Золотой Орде, сосредоточим внимание на становлении в рамках этой державы его политически господствовавшего «народа» – средневековых татар, сложившихся на основе первоначального «монголо-татарского» ядра удела Джучи. В связи с тем, что данная проблема весьма обширна, главным образом далее следует остановиться на основных предпосылках превращения «монголо-татар» в новую этнополитическую общность собственно «татар», для чего нам в том числе придется ещё раз вернуться к вопросу об этническом составе «народа» Джучи и его наследников, а также к проблеме раннетатарского наследия у кыпчаков и кимаков, с ним тесно связанного, что исследователями обычно упускается из виду.

Несомненно, собственный «народ» Бату-хана, унаследованный им от своего отца, был «монголо-татарским». Но о его клановом составе, позволяющем уточнить вопрос об этническом облике этого государствообразующего ядра Улуса Джучи, на удивление мало информации. Поэтому её нам придется собирать по крупицам.

О том, что во время Чингиз-хана Джучи получил от отца «народ–войско» из 9000 юрт (семей) или 4000 воинов из кланов сиджиут, кингит и хушин, уже говорилось. Остались ли они в уделе Джучи после его смерти? Полагаем, что остались. Так, Рашид ад-дин отмечает, что глава клана хушин Хушидай-Байку «командовал правым крылом войска Бату» [38а, с. 172]. Он же сообщает о потомке Кутан-нойона из клана кингит по имени Хуран, находившемся в «улусе Кунджи... из потомков Урадэ (Орда – Д.И.)... из рода Джочи» и бывшем там «известным и великим из эмиров того улуса» [38а, с. 178]. Упомянутый тут Кунджи – это Куинджи, внук Орды, являвшийся «долгое время правителем улуса Орды» [38в, с. 67]. Согласно «Алтан Тобчи», Хукин-нойон (т.е. Кутан-нойон) был отправлен по распоряжению Чингиз-хана «[для управления] землею оросутов и черкесутов», и ему была «отдана западная половина владения Джучи» [33, с. 232]. Персидский историк также указывает, что Мунгэду – нойон из клана сиджиут, который был передан Джучи Чингиз-ханом, – «в эпоху Бату... ведал войском». Далее он делает следующее примечание: «В настоящее время старший эмир, который у Токта (1270–1312 гг. – Д.И.), по имени Черкес, – из его рода» [38а, с. 183]. Получается, что первоначальные «тысячи» Джучи в Золотой Орде сохранились и позже. Но некоторые из них перед отправкой с Джучи, назначенным Чингиз-ханом «главным правителем кыпчаков» [33, с. 229], были усилены людьми, возможно, с повышением их статусов до темников; в частности, как уже отмечалось, в «Алтан Тобчи» сказано, что перед отправкой Хукин-нойону для управления «западной стороной» удела Джучи, были выделены 8000 людей, очевидно, воинов [33, с. 232].

Теперь перейдем к рассмотрению судьбы тех туменей, которые в ходе похода 1235–1242 гг. находились у Шибана б. Джучи. Напомним, что у него тогда находились также четыре 10000-х воинских подразделений из кланов кыйат, кунгурат, буркут и тюмен. Так вот, имеющаяся информация явно свидетельствует о том, что эти группы впоследствии также остались в Улусе Джучи. Так, при описании поездки египетских послов к хану Берке (1256–1266) около 1263/1264 г. через Крым – от Судака и далее в степь, – там отмечается «начальник» по имени Тукбуга, «начальствовавший над десятком тысяч [воинов]» и бывший «правителем всего этого края» [10, с. 92]. Как видим, имя и должность этого «начальника» – а он был темником – совпадают с именем и должностью предводителя кланового войска из группы *тюмен* из отряда Шибана периода завоевания в 1237/1238 г. Крыма. Хотя с тех пор до описываемого ал-Муфаддалем события прошло уже около четверти века, Тукбуга вполне мог быть еще жив и дееспособен. То, что группа тюмен осталась в районе Крыма, доказывается и наличием там такого топонима, как Тамань (полагаем, что этноним *тюмен* звучал как *тамйан*). Заслуживает внимания и информация русских летописей об участии «Бурундая безбожного», занявшего около 1256/1257 г. «места Куремьсине», т.е. земли на западе, по соседству с Галицко-Волынским княжеством – на правом берегу Днепра, – во главе «множества полков татарских» в ходе похода на Литву (1258 г.) и в Польшу (1259–1260 гг.). Тогда, после взятия Сандомира, он «возвратился назадъ въ своа вежи» [6, с. 136, 138–139; 36, с. 846–847, 849, 855]. Именно в связи с этим сообщением надо обратить внимание на интересный пассаж Абуль-Гази Бахадур-хана, рассказывающем о наделении Шибана, кроме прочего, «юртом Карел/Корел», находившемся далеко от его основного владе-

ния. По мнению хивинского хана, Шибан переселил туда одного из своих «угланов и хороших беков», и затем это владение из поколения в поколение оставалось в руках Шибанидов [56, с. 134]. Поэтому вряд ли случайно, что в XIV в. клану кыйат принадлежал Крым, а его предводители имели статус темников [22, с. 150–151]. То, что крупное воинское подразделение из клана кунгурат, находившееся в составе войск Шибана, осталось в Улусе Джучи, доказывается упоминанием у Рашид ад-дина Салджидай-гургена, женатого на дочери Хутухту б. Тулуй-хана [39в, с. 104, 105]. Про него и еще одного нойона по имени Эбуген, живших при хане Токте, этот историк прямо указывает, что они одной «кости» и «владеют всем войском [племени] кунгурат [состоящим из] из пяти тысяч» [38а, с. 162, 271]. Присутствие в Улусе Джучи четвертого подразделения из войск Шибана – буркутов, – в ранних источниках не обнаруживается. Зато в Приуралье сохранились генеалогии и исторические предания, повествующие о «Буркут/Буркат (*Бөркет*)-бие», «жившем во времена Чингиз-хана», один из сыновей которого поселился «в земле по Агидели», прибыв туда «из Крыма» [17, с. 28–29]. Показательно также, что в «Дефтер-и Чингиз-наме», источнике позднем, но сохранившем ранние сведения, среди беков Чингиз-хана фигурирует «Боркит би» [50, р. 58]. Наряду с другими данными, относящимися к XV–XVI вв. и фиксирующими клан буркут в составе владения Шибанидов [19, с. 28–29], эти данные позволяют говорить о том, что буркуты также остались в XIII в. в Улусе Джучи.

Внимание на сведениях, не выходящих за пределы XIII в. (за исключением буркутов), было сосредоточено потому, что использование более поздних данных, например, XV–XVII вв., при кажущейся их информативности, несет риск искажения картины этнополитической ситуации в раннем Улусе Джучи [22, с. 165]. Думается, что если дополнить уже приведенные данные другими материалами, относящимися к XIII в., то можно достаточно уверенно судить об этническом облике народа «монголо-татар», осевшего на территории Улуса Джучи после его расширения, последовавшего между 1235–1242 гг. Обратимся к этим сведениям.

Нами уже привлекались материалы о брачных связях Чингизидов (об этом также см.: [53, р. 90–92]). Сейчас их дополним. Анализ труда Рашид ад-дина показывает, что Джучиды в XIII – начале XIV вв. «черпали» невест из кланов *кунгурат*, *меркит*, *огулан*, *джаджират*, *йисут*, *кереит*, *татар* (*алчитатар*), *найман*, *кыпчак*, *аргунан*, *ушын* (*уйшин/хушин*), *ойрат*, *сулду*, *тулас* (*туклан*) [39в, с. 66–76]. Хотя ценность этой информации не абсолютна – пока существовала единая Монгольская империя, Чингизиды могли привозить невест и из Коренного юрта, а также из других уделов – все же из-за того, что «брачный рынок» в Золотой Орде был связан с социально-политическим устройством этого государства [53; 22], мы должны ее принять к сведению, хотя и с возможными уточнениями. К примеру, вовсе не исключено, что невеста сына Орды из клана джаджират была привезена из Улуса Чагадая [39в, с. 67]. Но все же в большинстве случаев названные выше кланы, скорее всего, действительно входили в Золотую Орду. В этой связи показательно, что кунгураткой была не только одна из жен Бату-хана, но и из этого клана были жены двух его внуков – Менгу-Тимура и Туда-Менгу, один из сыновей Бату-хана – Туклан – был женат на женщине из племени ойрат, а у

названных выше двух его внуков имелись еще жены из племен уйшин и алчы-татар [39в, с. 72–73].

Разбросанная в труде Рашид ад-дина информация позволяет сделать предварительное заключение и о распределении отмеченных кланов по западной (крыло «Правой руки», *Ак Урда*) и восточной (крыло «Левой руки», *Кок Урда*) половинам Улуса Джучи в XIII в. Но вначале об этом самом делении. Рашид ад-дин о нём сообщает: «...из войск Джучи – хана одной половиной ведал [Орда], а другой половиной – Бату» [39в, с. 66]. Как было уже установлено, к Правому крылу Улуса Джучи относились территории к западу от среднего течения р. Иртыш до Дуная, включая область между реками Или и Сыр-Дарья (нынешний Центральный и Северный Казахстан), Северный Хорезм с Ургенчем (нижняя Аму-Дарья), тогда как к Левому крылу государства относились территории от верховьев Иртыша и Тарбагатай (через Северное Семиречье, среднюю Сыр-Дарью и нижнюю Аму-Дарью) к плато Мангышлак [26, с. 193–200]. Согласно Рашид ад-дину, в состав Левого крыла государства кроме владения Орды входили и владения его братьев Удура, Тука-Тимура, Шингкума [39в, с. 66]. В состав Правого крыла Улуса Джучи относились владения Бату, Шибана и других Джучидов, расположившихся западнее р. Яик [26, с. 199].

В итоге, если исходить из клановой принадлежности жен Чингизидов «Левой руки», то в восточной половине Улуса Джучи могут оказаться кланы найман, кыпчак, меркит, тулас, керейт, огунан, татар (алчи-татар), аргуван, сулдус. Неясным остается ответ на вопрос о принадлежности к этому крылу клана кунгурат. Конечно, у Рашид ад-дина есть фраза, гласящая, что «юрт Салджидай», т.е. Салджидай – гургена из клана кунгурат, находился «вблизи Хорезма» [39в, с. 84], а этот район входил в состав Правого крыла. Но с другой стороны, персидский историк указывает на присылку в Хулагуидский Иран в самом начале XIV в. от правнука Орды Баяна, бывшего правителем Улуса Орды, двух эмиров из «родов» кунгурат и йисут во главе своих «нукеров», т.е. войсковых подразделений [39в, с. 68]. Если эта информация позволяет добавить клан *йисут* к приведенному выше списку кланов из восточной половины Улуса Джучи, то проблема территориальной принадлежности клана кунгурат в XIII в. не находит решения; возможно, он был разделен между двумя крыльями государства. Из приведенных ранее данных можно заключить, что к Правой (западной) «руке» Улуса Джучи могли относиться кланы кыйат, буркут, туман, уйшин, кингит, сиджиут и, не исключено, часть кунгуратов. Насчет клана кыйат Рашид ад-дин замечает: «... у Токтая ... [их] один туман (как было у Бурундая-багатура – Д.И.) и большинство других киятов ... из их потомства» [38б, с. 270]. Также важно упоминание в продолжении «Сборника летописей» Рашид ад-дина, составленном неизвестным автором, Ак-Буки «из кости кыят», прибывшем в 1315 г. в г. Тебриз как «великий посол» из Золотой Орды [10, с. 323–324]. В данном случае это сообщение еще раз подтверждает вхождение названного клана в Улус Джучи. К списку кланов из западной половины государства следует добавить и племя *хадаркин*, так как Рашид ад-дин отмечает тысячника Мукур-Курана, жившего во времена Чингиз-хана (он принадлежал тогда к эмирам-нойонам Правого крыла Великого Монгольского государства), со следующим дополнением: «... большинство того войска (т.е. тысячи из клана хадаркин – Д.И.) было в Дешт-

и-Кыпчаке вместе с Нокаем» [38а, с. 190], что предполагает нахождение этой группы на самом западе Золотой Орды. Наконец, персидский историк, рассказывающий об уже знакомом нам «старшем эмире» Хушидай-Байку из клана уйшын, указывает, что тот (а он, как уже говорилось, «командовал» Правым крылом войск Бату) «привел» [с собой] Элдэкэ из племени джурьят, на матери которого он некогда женился» (но не был отцом Элдэкэ), «сделав его своим помощником», а затем и «заместителем» [38а, с. 172]. Хотя в данном случае мы и не знаем точно, пришли ли вслед за ними в Улус Джучи сородичи этих двоих из клана джурьят, исключить возможность их переселения туда нельзя.

Таким образом, применительно к территории Улуса Джучи XIII в. можно говорить о нахождении там значительного числа клановых подразделений, ядровые части которых находились в районе Коренного юрта Чингизидов или поблизости от него. Эти группы, составлявшие первоначальную основу главного «народа» Золотой Орды, в большинстве своем состояли из собственно монгольских этнических формирований, но с включением значительного числа «татарских» (тюрко-татарских) подразделений (татар/алчи-татар, керейт, найман, туман/тумат, баргут/буркыт, тулас, кыпчак). Не исключено, что к ним следует добавить и клан уйшын(хушин), бывший явно немонгольского происхождения – он, скорее всего, происходил из юечжи-уйсуней [32, с. 68–100], возможно, первоначально тюркизированный ещё в среде гуннов. В плане сказанного заметим, что Р.Г. Кузеев предлагал искать истоки племени табын (от тама/таба/дубо), чьим предком считался уйшын Майкы-бей, среди усуней, у которых существовало племя *та-ма уй-сунь* [28, с. 113]. Между тем, в генеалогических преданиях «башкир» клана кара-табын, ведущих свое происхождение от «уйшын Майкы-бея», последнему в родословной предшествует звено «Тюмень-бия», не исключено, являющееся эпонимом, отражающем этноним туман/тумат [14, с. 50–52]. Кстати, у Рашид ад-дина есть известие о Борангул-нойане из племени хушин, вначале бывшем тысячником, а затем – темником-заместителем главы Правого крыла войск Монгольской империи, убитом в ходе похода на племя тумат в 1217 г. [38а, с. 171; 38б, с. 267–268], за что семье убитого нойона были отданы «сотня туматов» [41, с. 120]. Этот факт свидетельствует о взаимосвязанности групп уйшын и тумат (т.е. тума/туба/табын). Показательно также, что потомки названного выше Майкы-бея из клана табын (ответвления кара-табын) выводили своих предков со «стороны Алтая» [14, с. 52].

На самом деле после того, как состоялось решение Чингиз-хана о присоединении к владению Джучи кыпчаков – а ему предшествовал доклад Субэдея-бахадур «трону», представленный им после возвращения в 1224 г. из похода, где произошло столкновение с западными кыпчаками, – начиная с 1225 г. восточные кыпчаки – кимаки (йемеки), у которых отчетливо был представлен татарский этнический компонент, – оказались в подчинении у Джучи, усилив собственно татарское составное «народа» расширяющегося территориально Улуса Джучи. То, что этот этнический компонент действительно существовал, но не принимается во внимание исследователями, подтверждают данные XIII в., к которым мы сейчас и обратимся.

Прежде всего необходимо указать на то, что в названном выше докладе Субэдея, который был одобрен Чингиз-ханом, прославленный полководец, чей

совместный с Джэбе-нойоном рейд, прошедший и через западнокыпчакские владения, оценивался имперским центром как «карательный поход, [направленный на] усмирение кыпчаков», перед новым наступлением на Дешт-и-Кыпчак предложил создать «единую армию», состоящую из «тысяч», включавших «обоки» кланов меркит, найман, кирей (киреит), канглы и кыпчак [45, с. 500–501, 513]. Как видим, речь идет о формировании крупного воинского контингента, состоящего из тюркских подразделений («тысяч»), причем расселенных в зоне восточных кыпчаков-кимаков. И этот шаг не был случайным, ибо монголо-татарским войскам в дальнейшем предстояло вплотную столкнуться с кыпчакским миром, обладавшим большим демографическим потенциалом. К тому же тюркские подразделения в случае необходимости были способны общаться с местным населением на понятном ему языке. Ясно, что названный выше состав тюркских клановых войск был характерен прежде всего для Улуса Джучи. Так как доклад Субэдея-бахадра был одобрен Чингизханом, есть основания думать, что последовавшие после 1225 г. завоевания происходили при самом активном участии тюркских контингентов, особенно хорошо представленных в подчиненных Джучидам армейских группировках.

Дополнительную информацию о роли восточных кыпчаков-кимаков, бывших носителями татарской идентичности, во всяком случае, в их элитной страте, можно получить при изучении этнического состава населения отдельных уделов (улусов) ближайших потомков Джучи, в первую очередь, его сыновей Берке, Тука-Тимура и Шибана.

Традиционная точка зрения относительно местонахождения улуса Берке исходит из того, что при жизни Бату-хана он находился «где-то в степях Северного Кавказа» [44, с. 58]. Она основывается на следующем высказывании Рубрука: «У Бату есть... брат... Берка (Jetta), пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции». Далее он замечает, что при его «возвращении» из далекой поездки на востоке, Бату «приказал ему [Берке], чтобы он передвинулся с того места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным» [40, с. 115]. Как видим, тут мы уже имеем дело с двумя районами расположения улуса Берке – один, более ранний, находившийся в «направлении к Железным воротам», а другой, более поздний, оказавшийся к востоку от Волги. Так как из описания путешествия Рубрука видно, что перемещение улуса Берке в Заволжье произошло при его «возвращении» из поездки в Каракорум [40, с. 115], что имело место около 1255 г., то дату изменения дислокации данного владения надо определять именно этим временем. Однако однозначному заключению относительно первого района нахождения улуса Берке как «степей Северного Кавказа» мешает то, что Плано Карпини, проезжавший между 1245–1246 гг. фактически по тому же маршруту, что и через десятилетие Рубрук [25а, с. 72–73], вообще не упоминает владения Берке, которое, как бы казалось, должно было находиться у него на пути. Возникает вопрос: а не находился ли первоначальный удел Берке не к северу от Дербента (=«Железных ворот» / «Тимер капка»), а к югу от него, контролируя часть Закавказья? Дело в том, что ещё в ходе операции Джэбе и Субэдея 1220–1223 гг., согласно Джувейни, когда те переправились через Дербент, армия Джучи «располагалась в Кыпчакской степи и рядом с ней» [8, с. 99]. Затем, в 1230/1231 гг., в ходе завоевательных походов

против Государства хорезмшахов, по Ибн ал-Асиру, «татары из стран Мавераннахра (а как мы помним, Джучиды в этот период находились именно в тех пределах – Д.И.) пришли в Азербайджан» [10, с. 34]. Следует также принять во внимание, что в 1237–1238 гг. в ходе «западных походов», когда монгольские отряды действовали южнее русских земель, Менгу и Кадан наступали на черкесов, Шибан, Бучак и Бури – «в сторону Крыма», а Берке наступал «на кыпчаков», захватив трех предводителей клана «Беркут» [39в, с. 39], что происходило также где-то поблизости от района действия названных выше Чингизидов, возможно, в Предкавказье; а через год – в 1239/1240 гг., ещё один отряд во главе с Кукдаем, был послан «к Тимур – кахалка [капка]», чтобы «он занял и область Абир» [39в, с. 39]. Вскоре после этого, осенью 1242 г., монгольские отряды «прошли через пределы Тимур-кахалка и местные горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кыпчаков, которые, бежав, ушли в ту сторону», т.е. в Закавказье. Как видно из Рашид ад-дина, эти войска, в целом тогда находившиеся под руководством Бату, 1242 г. «закончили в тех краях», а в следующем (1242/1243 гг.), «освободившись от завоевания того царства», находившегося в Закавказье, «ушли обратно», прибыв «в свой улус» в 1244/1245 гг. [38б, с. 46].

Эти данные показывают, что Джучиды по праву завоевания могли претендовать на часть территории Закавказья. Джузджани на это указывает прямо: «в каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему [Бату] принадлежала определенная часть её, и над тем округом, который [в иранской зоне] составлял его удел, были поставлены его управители» [10, с. 251]. Отдельные места из ал-Омари, Ибн Касира, Ибн Халдуна подтверждают сказанное Джузджани [10, с. 112, 123, 170]. К тому же следует учесть, что некоторые Джучиды (сын Шибана Балакан, внук Бувала Татар, сын Орды Кули) принимали участие в общеимперском походе под предводительством Хулагу, когда первые двое Джучидов двинулись на юг пройдя через «Дербент Кыпчакский», а Кули – «через Хорезм» прибыл «в Дехистан и Мазандеран» [39в, с. 69, 81–82; 39г, с. 54]. Вследствие этого до начавшегося в 1260 г. или несколько раньше конфликта между Берке и Хулагу, определенная часть территории Закавказья явно принадлежала Улусу Джучи, что отчетливо видно из ал-Омари, который, отметив «претензии» на «владение Тавризом и Марагою» со стороны «царей Кыпчакских», т.е. ханов Улуса Джучи, объясняет, что по просьбе Хулагу имперский центр ему на помощь приказал послать людей «из войска каждого из царей Чингизхановичей», в результате Хулагу пришлось «отвести каждому отряду... в содержание одну из [завоеванных] областей». Ал-Омари уточняет, что «то, что было отведено войску... властителя земель Кыпчакских [и] Хорезмийских, заключалась в Тавризе и Мераге» [10, с. 107]. Очевидно, что этот район и ранее контролировался Джучидами, поэтому есть основания думать, что после 1242 г. вначале Берке контролировал именно названную выше территорию в Закавказье.

В связи с этой территорией следует отметить, что тут имелись кыпчаки. Так, Джувеини, рассказывая о походе Джелал ад-Дина б. Мухаммада-хорезшаха в 1228/1229 г. в Грузию, сообщает, что против него там действовали «20 000 отборных воинов с кыпчакскими знаками и знаменем» [8,

с. 311]¹. О сообщении Рашид ад-дина по поводу захвата бежавших в Закавказье кыпчаков войсками Илавдура уже было сказано. Показательно также, что Рашид ад-дином Дербент называется не только «Хазарским», но и «Кыпчакским» [39в, с. 72, 81]. Хотя в данном случае речь больше должна идти о западных кыпчаках-кунах, куманах (половцах), в их составе имелись и группы выходцев из среды восточных кыпчаков [48, р. 303–332].

Поэтому уже в первом владении Берке среди тюркской части населения его удела могли находиться носители татарской идентичности. Скажем, далеко не случайно Ибн Халдун о знатном племени токсоба, входившем в состав западных кыпчаков, делает замечание, что оно «из Татар» [10, с. 240–241]. Хотя некоторые исследователи известную фразу, произнесенную со стороны войск Субэдея и Джэбе накануне битвы на Калке в адрес кыпчаков, тогда действовавших в союзе с аланами: «Мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших» [10, с.26], – пытаются объяснить исходя из старых монгольско-татарских брачных связей (отношения «анда-куда») [30, с. 39–40], она, по нашему мнению, скорее отражает существование в составе западных кыпчаков татарских этнических групп, как мы уже отмечали [24], находившихся и в Коренном юрте монголов, и вошедших в состав «народа» Чингиз-хана в самом начале его формирования.

Сейчас о втором уделе Берке, где кыпчаков, имевших татарское происхождение, было значительно больше. Где же это владение, помещенное Рубруком «к востоку от Этили», находилось? По всей видимости, в районе г. Сыгнака. Об этом может свидетельствовать намек, содержащийся у Утемиша-хаджи относительно места воспитания Берке. Хивинский историк XVI в., рассказывая, что Берке уже «с рождения матерью был мусульманином», ибо не хотел сосать молоко женщин-немусульманок, из-за чего его кормилицей было велено сделать мусульманку, добавляет: «...через несколько лет после этого события его отец Йочи-хан умер, он (т.е. Берке – Д.И.) пришел в город Сыгнак, не будучи в состоянии находиться среди неверных». Судя по рассказу Утемиша-хаджи, ко времени смерти Бату-хана Берке ещё пребывал в Сыгнаке или в той области [43, с. 96–97]. Хотя эта информация и легендарна, она согласуется с некоторыми другими данными. Так, Джузджани указывает, что к Берке, «по достижению срока обучения и наставления, собрали нескольких мусульманских имамов», определив «одного из них для обучения [его] Корану», что по данным «некоторых заслуживающих доверия», сообщает Джузджани, происходило «в Ходженде». Далее Джузджани рассказывает, что Берке было сделано обрезание, а «по достижении им возмужалости, в войско его были назначены все мусульмане, ... находившиеся в стане Туши-хана». После того, как Бату сел «на место отца», он «утвердил» за Берке «командование [армией], свиту (атба) и уделы (икта)» [10, с. 252]. Как видим, в данном случае говорится о нахождении Берке в Ходженде. То, что Берке мог находиться в 1230-х годах где-то в Средней Азии, проистекает также из приводимого Джузджани известия о том, что в 631 г.х., т.е. в 1233/1234 г., от него было состоявшее из мусульман посольство к первому государю из шемсийской династии в Индии Ильтутмышу (1210–1236) [10, с. 252, 256]. В этом же плане заслуживает внимания и один из рассказов, приводимых Джузджани, согласно которому Сар-

¹ О кыпчаках в Грузии см. также: [49].

так, ездивший к Менгу-каану, на обратном пути из Коренного юрта «приближаясь к своему дяде Берке-хану..., отказался [от посещения его], свернул с дороги и не пошел к своему дяде» [10, с. 252]. Так как тут мы имеем дело с указанием о возвращении Сартака из поездки в Коренной юрт, то получается, что владение Берке находилось на пути двигавшегося в Поволжье с востока Сартака, что подкрепляет указание Рубрука. Ещё одна сюжетная линия, рассказывающая о связи Берке со Средней Азией, прослеживается у ряда авторов. Джузджани, например, говорит о том, что уже выросший Берке «из земли Кыпчакской» отправился в «город Бухару», а после возвращения оттуда «отправил доверенных людей к халифу». При этом он отмечает, что контакты этого Чингизида с халифом имели место ещё при жизни Бату. Затем, в ходе этого сообщения, данный автор добавляет, что войско Берке состояло из 30 000 мусульман и в войсках его «была установлена пятничная молитва», а также введены другие исламские нормы [10, с. 253]. На самом деле аналогичные сообщения есть и у других авторов. В частности, ал-Дзехаби говорит о поездке Берке «... в 40-х годах (1240-х – Д.И.)... в Бухару», в результате чего вместе с ним ислам приняли и «многие из его эмиров» [10, с. 99]. В другой версии этого хрониста Берке был отправлен Бату во главе «100 тыс. всадников» для сопровождения Хубилая и Хулагу, чтобы посадить на трон Менгу, а уже при возвращении оттуда, «проходя мимо Бухары», он «сошелся с шейхом Шемсуддином Эльбахерзи» и принял ислам «из рук его». Тот и посоветовал Берке «вступить в переписку с халифом» [10, с. 111]. По Ибн Халдуну, живший в Бухаре Шемседдин Эль-бахерзи «послал к Берке с предложением принять ислам». При этом хронист замечает, в ислам Берке был обращен уже при Бату. Попутно рассказывается о повторном приезде Берке к названному шейху [10, с. 170]. Ал-Айни сообщает примерно то же самое: из Бухары Сейфиддином Эльбахирзи к Берке отправляется ученик шейха, от рук которого он и принимает ислам, но затем почему-то лично прибывает в Бухару, где, «повторив свой ислам», т.е. символы веры, он затем «вернулся в свою землю» [10, с. 220]. В позднем источнике – «Шаджарат ал-атрак» – речь идет фактически о том же, но после того, как Берке прибыл «к куполу ислама Бухаре», где он долгое время находился «у порога» шейха Сейф-ад-дина Бахарзи, он затем «отправился в Дешт-и Кыпчак через Хаджитархан с небольшим войском», сразившись на «на берегу реки Итиль» с «бесчисленным войском Хулагу» и одержав победу над ним [10, с. 388].

Короче говоря, во всех этих случаях, когда Берке приходит «в Бухару» или до того пребывает «в Сыгнаке» или «Ходженде», подразумевается его нахождение в бывших владениях хорезмшахов, скорее всего на северо-восточной его окраине, там, где расселились кимаки и канглы, а также другие группы восточных кыпчаков, многие из которых к тому времени уже были исламизированы. И тут нам следует принять во внимание большое войско – не менее 3-х туменов – из мусульман, которое, как было отмечено, находилось при Берке. Известное сообщение Рашид ад-дина об отправке по распоряжению Бату своего сына Сартака в сопровождении Берке с 3 туменами войск для обеспечения интронизации Менгу, может относиться к этой же «мусульманской» армии [38б, с. 80]. На самом деле, эти войска могли начать организовываться ещё по уже отмеченному нами проекту Субэдей-бахадур, после 1224 г. подавшего на имя Чингиз-хана доклад относительно создания

отдельной «армии», в составе которой должны были находиться и «тысячи» из канглов и кыпчаков [45, с. 501]. На тот момент в лице последних речь могла идти только о подразделениях из восточных кыпчаков, т.е. из носителей татарской идентичности. Хотя нам и неизвестно, какие кланы входили в состав личного владения Берке, без сомнения состав его «народа» был, в том числе и из-за его пребывания в бывших владениях восточных кыпчаков, «татаро-монгольским». В частности, в династийной хронике кунгуратов упоминается Салджидай-гурген, живший во время правления хана Токты и, согласно Рашид ад-дину, бывший нойоном из клана кунгурат [38а, с. 162]. Но в данной хронике он определен как выходец «из племени уйгур» [46, р. 367], что свидетельствует о существенном смешении кунгуратов с кимакско-уйгурскими группами, что могло иметь место именно при нахождении Берке «восточнее Итиля». В данном плане показательно замечание Абуль-Гази Бахадур-хана относительно основного государствообразующего «ядра» Хивинского ханства: «...Началом...эля были уйгуры и найманы из рода татар» [56, с. 137]. Эти смешанные с монголами восточно-кыпчакские группы, носители татарской идентичности, после восхождения Берке на золотоордынский престол и возвращения его в Поволжье могли частично, например, в составе мусульманских войск, последовать за ним. Вряд ли случайно уже упоминавшееся «сопровождение» кунгуратов многочисленными «тюрками», похоже, кыпчаками, судя по некоторым местам династийной хроники кунгуратов, оказавшимися в конце концов в Поволжье [46].

Далее мы перейдем к уделу Тука (Тукай)-Тимура, о котором известно только из относительно поздних источников, например, из «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» Махмуда б. Вали (XVII в.). Как явствует из этого сочинения, Бату выделил своему младшему брату (он являлся тринадцатым сыном Джучи) в удел «вилаят-и ас и земли Мангышлака». Согласно источнику, это произошло после смерти Джучи и утверждения Бату-хана «на троне правления... в Дашт-и Кыпчаке», при этом были учтены заслуги Тукай-Тимура в «знаменитом семилетнем (западном – Д.И.) походе в земли асов, русов, болгар и башкир» [1, с. 56]. В другом месте «Бахр ал-асрар» сообщается, что потомкам Тукай-Тимура, «согласно воле Бату», была также дана власть над Хаджи-Тарханом [26, с. 196]. Однако, скорее всего первоначальное владение данного Джучида ограничивалось «областью асов и Мангышлаком». Как мы помним, Мангышлак входил в состав Государства хорезмшахов и был населен кыпчаками-кимаками. А вот кем были «асы», и где они жили? Несмотря на то, что обычно в них видят кавказских аланов, думается, что это не так. Во-первых, в ряде источников по Золотой Орде аланы и асы фигурируют как разные этнические группы. Так, Джувейни, говоря о том, что Менгу был отправлен на «овладение областями Булгара, асов, Руси и племен кыпчакских», отдельно от них упоминает аланов [10, с. 259]. Такое же различие этих двух групп можно увидеть у ан-Нувеири [12, с. 139]. Ряд арабских источников XIV в. (Абу'л Фида, Ибн Баттута, ал-Омари) также различают аланов и асов, указывая, что последние были тюрками (qaum min al-Turk), исповедовали ислам и жили в степных районах, а также в г. Сарае [4, с. 328, 341, 359]. Следует также напомнить о схваченном наряду с предводителем племени альбурлик (ильбари) Бачманом эмире племени ас Качир-укули [38б, с. 38], предполагающем, что эта группа находилась не так далеко от низовьев

р. Волги. Неслучайно поэтому «вилайят-и ас» был выделен Тукай-Тимуру наряду с Мангышлаком: по-видимому, эта «область» территориально находилась именно там. Судя по всему, речь идет о потомках тех асов, которые к X в. жили в окрестностях Хорезма и исповедовали ислам, называясь «al-Arsiyah» (Aorsi>As). Их язык во времена Бируни состоял из смеси хорезмийского и печенежского, что предполагает начальный среднеиранский (хорезмийский) язык с сильным тюркским влиянием [4, с. 348–349, 333] с завершившейся в XIII–XIV вв. тюркизацией этой группы под кыпчакским влиянием. То, что «вилайят-и ас», населенная «племенем ас», действительно существовала, доказывается и тем, что один из четырех личных элей – клан ширин – хана Токтамыша, отец которого как потомок Тукай-Тимура владел Мангышлаком, возводился к «племеню ас» [19, с. 44].

Но кроме местного населения из владения Тукай-Тимура – а оно нам полностью не известно – у него ещё был собственный «народ», состоявший из четырех клановых подразделений (*каучин*), выделенных ему Бату-ханом. Это были группы *минг*, *ушун*, *тархан* и *ойрат* [26, с. 208; 1, с. 56]. Несмотря на то, что эти сведения относятся к числу поздних, они частично перекликаются с данными о клановом составе Улуса Джучи XIII в. Скажем, присутствие групп уйшын и ойрат в ранней Золотой Орде мы уже видели. Клан минг, по-видимому, соответствует упоминаемым в «Алтан Тобчи» Лубсана Данзана «мингатам», чьи предводители были приведены Джучи к Чингиз-хану после завоевания «Лесных народов». Так как у Тукай-Тимура оказался и клан ойрат, покоренный тогда же (см. выше), то это вполне допустимо. В результате получается, что личные эли этого Джучида, оказавшегося в районе Мангышлака, были не вполне «монгольскими», в частности, группа минг могла быть тюркским образованием, близким к киргизам и туматам. Да и клан уйшын, как уже говорилось, не был чисто монгольским этническим образованием. На Мангышлаке этим «монголо-татарам» пришлось взаимодействовать с местным тюрко-иранским (асским) населением, испытавшим вначале печенежское, а затем и кыпчакское влияние. Причем кыпчаки – а это кимаки, – скорее всего, были тут представлены племенами уран и ильбари, после завоевания обобщенно именованных «кыпчак».

Пристального внимания в связи с обсуждением проблемы татарской составной у восточных кыпчаков заслуживает и имевший матримональные контакты с элитой из клана уран клан ильбари. Дело в том, что он мог быть тем самым племенем «неверных татар» из 10000 кибиток, согласно Ибн ал-Асиру, делавшим «набеги на края Баласагуна и Кашгара», которое в 1043/1044 гг. приняло ислам [11, с. 211]. При этом группа ильбари хотя и «зимовала в краях Баласагуна», лето однако проводила «в краях Булгара» [11, с. 211]. Имея в виду, что в 1184 г. «половцы Емяковы» там действительно фиксируются [36, с. 389], а пребывание клана ильбари по соседству с территорией Волжской Булгарии – в бассейне р. Яика – известно также из легендарных данных, да и один из его предводителей – Бачман-султан, – как известно, погиб в низовьях Волги, подобное вполне возможно, тем более, что и один из родоначальников предводителей племени ильбари – Абар-хан, – согласно Джузджани, как раз являлся «ханом 10000 семейств» [556, р. 791, 800–801]. А это означает, что знатная часть данного клана, исламизированного ещё в домонгольский период, также могла быть носителем татарской иден-

тичности. Этот клан, позже известный как эль «кыпчак», как мы знаем, входил в число личных элей Тука-Тимурида Токтамыш-хана, уделом отца которого был Мангышлак [43, с. 115–118].

Что касается владения Шибана, нас будет интересовать не столько политическая история этого удела, а сколько этнический состав населения, входившего в этот юрт. Если сказать кратко, то к уделу этого Джучида (он являлся пятым сыном Джучи), обычно относят зону между реками Или и Сыр-Дарьей, а также территорию нынешнего Центрального и Северного Казахстана [26, с. 197]. Плано Карпини, проезжая мимо владений хорезмшахов (он называет города Орнас/Ургенч, Янгикент, Бархин/Барчинлигкент), замечает, что «поблизости от их границ» живут Бури (очевидно, внук Чагатая – Д.И.) и Кадан (сын Угэдея – Д.И.), а «с севера же прилегает... часть земли черных [кара] китаев и океан», далее закончив: «...там (т.е. к северу – Д.И.) пребывает Сыбан, брат Бату» [25, с. 74–75]. Так как удел старшего брата Бату-хана Орды, состоявший из 10 тыс. «домов» [56, с. 133] с неизвестным клановым составом находился около земель «черных китаев», после г. Омыл (Эмил/Имил), где-то в районе «некоего не очень большого моря», предположительно поблизости от о. Алакуль, там где пребывала «орда его отца» и находился его «двор» [25, с. 75, 392], речь должна идти, как это видно по Абуль-Гази Бахадур-хану, о районе верхнего течения Иртыша, именуемого последним «Кок Ордой» [56, с. 127], то удел Шибана оказывается западнее, точнее северо-западнее от Кок-Орды. Действительно, Абуль-Гази Бахадур-хан, сообщив, что Шибану был дан удел («ил») из 15 тыс. «домов» (*өй*), далее уточняет, что он должен был весной кочевать по рекам Иргиз (*Оргыз*), Орь, Илек, по левой стороне Яика вплоть до отрогов Уральских гор, спускаясь на зиму в Аракум и Каракум», к «Сыру и нижнему течению (*аяк*) Аму [-Дарьи]» [56, с. 134]. Если принять во внимание, что Шибану могли подчиняться и часть территории Волжской Булгарии (восточнее ее домонгольской столицы г. Биляра), а также Южное Приуралье (об этом более подробно см.: [14; 23]), то получается, что удел Шибана занимал ту территорию, где ранее расселились кимаки и канглы, включая и их часть – клан ильбари [15].

Что же мы можем сказать о собственном «народе» Шибана? Кроме уже приводившихся сведений о нахождении в период «западного похода» под его ведением войск из четырех клановых подразделений (групп кыйат, кунгурат, буркут и тюмен/туман), не так много. В первую очередь, в данном случае заслуживают внимания данные из «Шеджереи тюрки» Абуль-Гази Бахадур-хана (XVII в.), хотя и достаточно поздние, но из-за того, что этот хан происходил из рода Шибана, представляющие интерес. Так вот, он отмечает, что после возвращения из известного «западного похода», Бату-хан выделил Шибану из элей «наследственных родов» (*насел-ыруг иленнэн*) 4 родовых элей – *кушчы* (*кошчы*), *найман*, *карлук* и *буйрак* (*бөйрек*) [56, с. 134]. Эти сведения отчасти подкрепляются другими источниками, скажем, в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» содержится следующее примечание относительно клана кушчи: «Кушчи... со [времени] Шейбан-хана были атаке (т.е. аталык – Д.И.) и кукельташами» [34, с. 20]. Есть основания полагать, что рассматриваемый клан, входивший в состав народа-войска Шибана, происходил от группы *куштели*, наряду с кланами *урасут/урсут* и *теленгут/теленгит* отнесенных Рашид ад-дином к числу «монголов лесного племени» или к «по-

добным монголам», на самом деле являвшимися тюркскими группами, жившими в верховьях Енисея. То есть, клан кушчи был в числе старых подразделений, вошедших еще в число первоначального удела Джучи.

Найманов также надо отнести к их числу. А вот насчет кланов карлук и буйрак этого сказать нельзя. Дело в том, что Утемиш-хаджи отмечает, что эти два подразделения были выделены «огланам Шайбан-хана» в период правления Узбек-хана, когда они, в отличие от других Джучидов, из-за их поведения вызвавших немилость этого хана, были наделены, учитывая былые заслуги предка, данным «двусоставным элем», и «предоставлены... самим себе, ... в юрте, определенном [им] Саин-ханом» [43, с. 92]. Ясно, что тут речь идет о наделении Шибанидов в период укрепления Узбека на троне какой-то южной территорией, где имелись карлуки. В связи с группой буйрак отметим, что она не зря была частью «двусоставного эля» с карлуками, ибо, скорее всего, её необходимо сопоставить с известным ещё у Махмуда Кашгари племенем буляк, входившем в состав карлукского союза [3, с. 175]. А так как по Рашид ад-дину карлуков, как и кыпчаков, можно было рассматривать как разновидность уйгуров [38а, с. 146], что связано с переходом после 840 г. власти от Тюркского каганата к карлукам во главе с кланом Ашина [47, р. 11; 48, р. 53], а также со старыми политическими и этническими связями уйгуров, карлуков, басмылов и татар [47, р. 303–332], карлукский компонент собственного «народа» Шибанидов можно рассматривать как дополнение к тем восточным кыпчакам, которые, наряду с другими тюркскими группами, в том числе, южно-сибирского происхождения, оказались в данном юрте.

Из приведенных данных видно, что в уделе Шибана также были как собственно монгольские подразделения (кунгурат, кыйат), так и тюркские (буркут, найман, карлук, буйрак, возможно, тюмен [14, с. 49–50]), причем, с частичной «татарской» маркировкой (найманы, карлуки). Отсюда можно заключить, что «народ» Шибана был «татаро-монгольским» изначально.

Теперь нам осталось в целом определить этнический состав раннего Улуса Джучи, во многом уже рассмотренного.

Несмотря на то, что в таком позднем источнике, как «Бахр ал-асрар» Ибн Вали, есть список кланов, входивших в «войско кыпчаков», подчинявшихся самому Бату-хану (это 12 кланов: аргуни, огуз, кунгурат, керейт, барлас, минг, усун, уйрат, кошчи, найман, карлук, буйрак – см.: [4, с. 163; 26, с. 207], этот список, источники которого неизвестны, полного доверия не вызывает. Поэтому для раннего периода Улуса Джучи (XIII в.) мы можем реконструировать клановый состав «народа-войска» Джучидов лишь по уже проанализированным источникам, что позволяет выявить в этом государстве до 26 кланов (аргунан, кунгурат, керейт, минг, уйшын, ойрат, найман, карлук, буйрак, меркит, огунан, джаджират, йисут, татар или алчи-татар, сулдус, тулас, кыйат, буркут/баргут, туман, кингит, сиджиут, хадаркин, кошчи, тархан, кыпчак, огуз). Некоторые из этих подразделений имеют «обобщающие» наименования (кыпчак, огуз), свидетельствующие о том, что они фактически были составлены из покоренных народов, чьи родо-племенные деления были ликвидированы. А это могло случиться только с течением времени. В других случаях (например, с группами карлук и буйрак) мы имеем дело с ранними этническими группами, существовавшими задолго до монгольского завоевания, но приданными Джучидам, скорее всего, лишь после 1312 г. В реальности в

Улусе Джучи клановых подразделений, составлявших «народ» Джучидов в XIII в., могло быть больше, ибо мы ничего не знаем о клановом составе населения владения ряда Джучидов [22, с. 165–167], но ненамного. Хотя в дальнейшем могли появиться и новые клановые подразделения, например, из первоначального «племени ас» могло возникнуть подразделение ширин, в целом уже собранные данные позволяют делать достаточно обоснованное заключение о тюрко-монгольском или татаро-монгольском характере «народа» Джучидов, с течением времени, из-за многочисленности в Улусе Джучи тюрков, в особенности кыпчаков, становившемся все более тюрко-татарским (см. анализ проблемы: [13, с. 338–342]). Это происходило, во-первых, из-за татарского этнического составного у восточных кыпчаков (частично и западных), во-вторых, из-за функционирования в рамках Улуса Джучи особых этносоциальных механизмов (о них детальнее см.: [22]), способствовавших закреплению у правящего «народа» этого государства этнонима «татар», вытеснившего в конце концов у этой этнии прежнюю двойную этническую маркировку «монголо-татары».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 229 с.
2. *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Изд-во «Менеджер», 2003.
3. *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: «Наука», 1989.
4. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М., 1965.
5. *Барфилд Томас.* Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, Б.В. Кузнецова; науч. ред. и предис. Д.В. Рухлядева. СПб.: Нестор-История, Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета, 2009. 248 с.
6. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарии. Исследования. СПб.: Алетейя, 2003.
7. *Голден П.* Кыпчаки средневековой Евразии: пример негосударственной адаптации в степи // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СОРАН, 2004. С. 103–110.
8. *Джувейни Ата-Мелик.* История Завоевателя мира. М.: Изд. Дом «Магистр-Пресс», 2004.
9. *Зориктуев Б.Р.* Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят. М.: Вост. лит-ра, 2011.
10. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские источники. М., 2003.
11. *Ибн ал-Асир.* Ал-камил фи-т-та'рих (Полный свод истории). Ташкент: Узбекистан, 2006.
12. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
13. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009.

14. *Исхаков Д.М.* Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском / Казанском вилайете в 60–70-х годах XIV – 40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013.

15. *Исхаков Д.М.* Тюркские исторические предания о кыпчаках (кимаках) Оренбуржья // Степи Северной Евразии. Материалы VI Международного симпозиума и VIII Международной школы-семинара «Экологические проблемы степных регионов» / Под ред. чл.-корр. РАН А.А. Чибилева. Оренбург: ИПК «Газпромпечатъ» ООО «Оренбурггазпромсервис», 2012. С. 319–321.

16. *Исхаков Д.М.* «Сибирская земля» и «сибирский князь» в последних десятилетиях XV века // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Сб. науч. трудов. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 16-19.

17. *Исхаков Д.М.* Введение в история Сибирского ханства. Казань: Ин-т истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2006.

18. *Исхаков Д.М.* Исторические очерки. Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2009.

19. *Исхаков Д.М.* О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие. Вып. 1. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 17 марта 2009 г. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С. 24–30.

20. *Исхаков Д.М.* Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. ст. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант»; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.

21. *Исхаков Д.М.* Улус Джучи: татарская или монгольская держава? // Сборник материалов Международного конгресса «Российская историческая наука на современном этапе: перспективы исследования и реализации национальной образовательной политики». (Казань, 18–19 апреля 2007 г.). Казань, 2007. С. 293–301.

22. *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

23. *Исхаков Д.М., Тычинских З.А.* О шибанидском «следе» в булгарском вилайете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 128–145.

24. *Исхаков Д.М.* Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. 2016. №2. С. 420–442.

25. *Картины Плано Дж. Дель.* История монгалов (3-е изд.). / Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны (3-е изд.) / Книга Марко Поло (4-е изд.). Вступ. ст., комментарий. М.Б. Горунга. М.: Мысль, 1997. С. 192–380.

26. *Кляшторный С.Г., Султанов Г.И.* Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.

27. *Крадин Н.Н., Скрынникова Т.Д.* Империя Чингиз-хана. М.: Изд. Фирма «Вост. лит-ра» РАН, 2006.

28. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974.

29. *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алмата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1972.

30. *Кумеков Е.Б.* Этнокультурные контакты кыпчаков и татар (по арабско-персидским источникам) // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. Тез. докл. XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (РІАС). Ташкент, сентябрь, 1986. I. История, литература, искусство. М., 1986. С. 39–40.

31. Кызласов Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992.

32. *Кюннер Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Изд-во «Вост. лит-ра», 1961.

33. *Лубсан Данзан*. Алтан Тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введение, коммен. и прилож. Н.П. Шастиной / Памятники письменности Востока. X. М., 1973.
34. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Наука, 1969.
35. *Парунин А.В.* Клан баргут / буркут в политической истории чингизидских государств XIII–XVI вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 4. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. С. 131–143.
36. ПСРЛ. Т. 2. Игнатъевская летопись. М., 2001.
37. ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Наука, 1962.
38. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1(а)-2(б). М.: НИЦ «Ладомир», 2002.
39. Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. II(в). III(г). М.: НИЦ «Ладомир», 2002.
40. *Рубрук Гильом де*. Путешествие в Восточные страны // Плано Карпини Дж. Дель. История монгалов (3-е изд.) / Гильом де Рубрук (3-е изд.) / Книга Марко Поло. (4-е изд.). Вступ. ст., коммент. М.Б. Горунга. М.: Мысль, 1997. С. 88–198.
41. Сокровенное сказание монголов / Пер. С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское кн. Изд-во, 1990.
42. *Трепавлов В.В.* Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.-ра», 1993.
43. *Утемши-хаджи*. Чингиз-наме. Факс., перев., транскрип., текст. прим., и исследование В.П. Юдина. Подготовка к изд. Ю.Г. Баранова. Коммент. и указ. М.Х. Абусейтовой. Алма-Ата: Гылым, 1992.
44. *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973.
45. Юань ши (Официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р.П. Военная держава Чингизхана. М.: ООО «Издательства АСТ»: ОАО «ВЗОИ», 2004. С. 432–540.
46. *Bregel J.* The tribal tradition and dynastic history // Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society. 1982. vol. 16. P. 357–398.
47. *Golden B.P.* Ethnicity and state formation in pre-Činggisid Turkic Eurasia. Indiana university, 2001.
48. *Golden B.P.* Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Cătălin Hriban. București-Brăila, 2011.
49. *Golden P.B.* Cumanica I. The Qipčaq in Georgia // AEMA. Vol. IV. 1984. P. 45–87.
50. *Ivanics M., Usmanov M.A.* Das Buch der Dschingis-Legende (Däftäri Čingiz-namä). I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles) / Studia Uralo-Altaica 44. Szeged, 2002.
51. *May T.* The Mongol conquests in World history. London: Reaktion Books LTD, 2012.
52. *Pritsak O.* From Sabirs to Hungarians // Hungaro-Turcica. Studies in Honor of Julius Németh. Ed. by Kaldy Nagy. Budapest: Lokánd Eötvös university, 1976. P. 17–30.
53. *Schamiloglu U.* Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde. Columbia University, 1986. (Ph. D. dissertation).
54. The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid age. Ed. by Nicola di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden. Cambridge university press, 2009.
55. Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadian Dynasties of Asia, Including Hindustian; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and the Irruption of the Infidel Mugals into Islam by Maulānā, Minhaj-ud-dīn, Abū-' Umar-i-' Usmān [ibn Sirajal-din al-Jouziani]. Vol. I (a)–II (б). New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970.
56. *Әбелгазый Баһадир хан*. Шәжәрәи төрек. Казан, 2007.

Сведения об авторе: Дамир Мавляевеич Исхаков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7556-8667> (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Поступила 11.01.2016

Принята к публикации 5.05.2017

Опубликована 30.06.2017

**THE ROLE OF THE TURKIC-TATAR CONSTITUENT PEOPLE
IN THE FORMATION OF THE STATE-FORMING “PEOPLE”
OF THE JOCHID ULUS IN THE 13TH–14TH CENTURIES**

D.M. Iskhakov

*Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
monitoring_vkt@mail.ru*

Research objectives: Study of ethnic processes that took place in the Jochid ulus (Golden Horde) in the 13th–14th centuries, which remain out of the sight of historians.

Research materials: A complex of written historical sources, materials of historical, ethnological, linguistic and archaeological research.

Results and novelty of the research: These processes are treated in extremely simplified forms, the essence of which is reduced to the “assimilation” of the Mongols with numerically predominant Polovtsians (Kypchaks). In addition to these shortcomings, domestic research suffers from other shortcomings under the influence of historians from Tatarstan who seek to eliminate the tradition of negative labeling of the ruling “people” of the Golden Horde, which was called the “Tatar-Mongols” in the old literature. In reality, one must well conceive the ethnic components of the given “people” for a reliable description of ethnic processes that took place in the 13th–14th centuries within the framework of the Golden Horde society, which ended with the formation of ethnic medieval Tatars. Meanwhile, this issue has not yet been fully developed. The role of the eastern Kypchaks-Kimaks in the formation of medieval Tatars is particularly poorly understood: their elite had a Tatar identity. In addition, we should pay attention to the participation of the Altai Turks in the ethnopolitical processes in the Jochid ulus, as well as of the Uighurs from the former Kimak Kaghanate closely associated with the Tatars. The study of these aspects of the extensive problem of the formation of a new “people” of medieval (Golden Horde) Tatars makes it possible to construct a different model of ethnic processes in the Jochid ulus, different from the previous one.

Keywords: ethnic processes, Jochid ulus, ulus of Berke, ulus of Toqai Temür, ulus of Shiban, Tatar-Mongols / Mongol-Tatars, clans, Kimaks

For citation: Iskhakov D.M. The Role of the Turkic-Tatar Constituent People in the Formation of the State-Forming “People” of the Jochid Ulus in the 13th–14th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017. Vol. 5, no. 2, pp. 290–324. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.290-324

REFERENCES

1. Alekseev A.K. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov: Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bakhr al-asrar* [Political History of the Toqai Timurids: Based on the Materials of the Persian Historical Work Bahr al-asrar]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2006. 229 p. (In Russian)
2. Alemany A. *Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh* [Alans in Ancient and Medieval Written Sources]. Moscow, Menedzher Publ., 2003. (In Russian)
3. Akhinzhanov S.M. *Kipchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1989. (In Russian)
4. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kochevykh uzbekov* [The State of Nomadic Uzbeks]. Moscow, 1965. (In Russian)
5. Barfield T. *Opasnaya granitsa: kochevye imperii i Kitay (221 g. do n.e. – 1757 g. n.e.)* [The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China 221 B.C. to AD 1757 (Studies in Social Discontinuity)]. Per. s angl. D.V. Rukhlyadeva, B.V. Kuznetsova; nauch. red. i predis. D.V. Rukhlyadeva. St. Petersburg, Nestor-Istoriya, Fak-t filol. i iskusstv SPbGU, 2009. 248 p. (In Russian)
6. *Galitsko-Volynskaya letopis'. Tekst. Kommentarii. Issledovaniya* [The Galich-Volhynian Chronicle. Text. Commentaries. Study]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2003. (In Russian)
7. Golden P. Kipchaki srednevekovoy Evrazii: primer negosudarvennoy adaptatsii v stepi [The Qipchaqs of Medieval Eurasia: An Example of Stateless Adaptation in the Steppes]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World]. Ulan-Ude, Izd. Buryatogo nauch. tsentra SORAN, 2004, pp. 103–110. (In Russian)
8. Juvayni Ata-Malik. *Istoriya Zavoematel'nykh mir* [The History of the World Conqueror]. Moscow, Magistr-Press Publ., 2004. (In Russian)
9. Zoriktuev B.R. *Aktual'nye problemy etnicheskoy istorii mongolov i buryat* [Actual Problems of Ethnic History of the Mongols and Buryats]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2011. (In Russian)
10. *Zolotaya Orda v istochnikakh*. Vol. 1. *Arabskie i persidskie istochniki* [The Golden Horde in Sources. Vol. 1: Arabic and Persian Sources]. Moscow, 2003. (In Russian)
11. Ibn al-Athir. *Al-kamil fi-t-tarikh (Polnyy svod istorii)* [The Complete History]. Tashkent: Uzbekistan, 2006. (In Russian)
12. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*. Vol. I. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Related to the Golden Horde History. Vol. 1: History of Kazakhstan in Arabic Sources]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005. (In Russian)
13. *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh*. Vol. III. *Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatars from the Most Ancient Times. Vol. III: The Jochid Ulus (Golden Horde). The 13th – mid-15th centuries]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009. (In Russian)
14. Iskhakov D.M. *Mezhdru Bulgarom i Kazan'yu: etnopoliticheskie protsessy v Bulgarskom / Kazanskom vilayate v 60–70-kh godakh XIV – 40-kh godakh XV vekov* [Between Bolgar and Kazan: Ethnopolitical Processes in Bolgar / Kazan Wilayat in the 1360–70s – 1440s]. Kazan, Fen Publ., 2013. (In Russian)
15. Iskhakov D.M. Tyurkskie istoricheskie predaniya o kypchakakh (kimakakh) Orenburzh'ya [Turkic Historical Legends about the Kypchaks (Kimaks) of the Orenburg Region]. *Stepi Severnoy Evrazii. Materialy VI Mezhdunarodnogo simpoziuma i VIII Mezhdunarodnoy shkoly-seminara «Ekologicheskie problemy stepnykh re-gionov»* [Steppes of Northern Eurasia. Proceedings of the VI International Symposium and the VIII International School-Seminar “Ecological Problems of the Steppe Regions”]. Pod red. chl.-

korr. RAN A.A. Chibileva. Orenburg: IPK «Gazprompechat» OOO «Orenburggazpromservis», 2012, pp. 319–321. (In Russian)

16. Iskhakov D.M. «Sibirskaya zemlya» i «sibirskiy knyaz'» v poslednikh desyatiletiyakh XV veka [“Siberian Land” and “Siberian Prince” during the last decades of the 15th century]. *Etnicheskaya istoriya i kul'tura tyurkskikh narodov Evrazii. Sb. nauch. trudov* [Ethnic History and Culture of the Turkic Peoples of Eurasia. Collected studies]. Omsk, Izdatel'-Poligrafist Publ., 2011, pp. 16–19. (In Russian)

17. Iskhakov D.M. *Vvedenie v istoriya Sibirskogo khanstva* [Introduction to the History of the Siberian Khanate]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2006. (In Russian)

18. Iskhakov D.M. *Istoricheskie ocherki* [Historical Essays]. Kazan, Fen Publ., 2009. (In Russian)

19. Iskhakov D.M. O klanovom sostave pervonachal'nogo udela Shibana [On the Clan Composition of the Original Shiban's Appanage]. *Zolotoordynskoe nasledie*. Is. 1. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)»*. Kazan', 17 marta 2009 g. [Golden Horde Heritage. Iss. 1: Proceedings of International Research Conference “Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th–14th centuries)”. Kazan, March 17, 2009] Kazan, Fen Publ., 2009, pp. 24–30. (In Russian)

20. Iskhakov D.M. Ob otrazhenii nekotorykh zolotoordynskikh realiy v tatarsko-bashkirskom dastane «Tulyak i Susylu» [On the Reflection of Some Golden Horde Realities in the Tatar-Bashkir Dastan “Tulyak and Susylu”]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Is. 4. Kazan, OOO «Foliant»; Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 119–127. (In Russian)

21. Iskhakov D.M. Ulus Dzhuchi: tatarskaya ili mongol'skaya derzhava? [The Jochid Ulus: Was It the Tatar or the Mongol State?]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnogo kongressa «Rossiyskaya istoricheskaya nauka na sovremennom etape: perspektivy issledovaniya i realizatsii natsional'noy obrazovatel'noy politiki»*. (Kazan', 18–19 aprelya 2007 g.) [Proceedings of International Congress “Russian Historical Research at the Present Stage: Perspectives of Research and Implementation of the National Educational Policy”. (Kazan, April 18–19, 2007). Kazan, 2007, pp. 293–301. (In Russian)

22. Iskhakov D.M., Izmaylov I.L. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.)* [Ethnopolitical History of Tatars (3rd – mid-16th centuries)]. Kazan, RITs «Shkola», 2007. 356 p. (In Russian)

23. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. O shibanidskom «sledе» v bulgarskom vilayate Ulusa Dzhuchi [On the Shibanid “Trace” in the Bulgar Vilayet of the Ulus of Jochi]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2013. No 2, pp. 128–145. (In Russian)

24. Iskhakov D.M. Termin «tataro-mongoly/mongolo-tatary»: ponyatie politicheskoe ili etnicheskoe? Opyt istochnikovogo i kontseptual'nogo analiza [The Term of the “Tatar-Mongols/Mongol-Tatars”: The Ethnic or Political Concept? An Experience of the Source Study and Conceptual Analysis]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. No. 2, pp. 420–442. (In Russian)

25. Plano Carpini J. de. *Istoriya mongalov* (3-e izd.) [History of the Mongals]. Guillaume de Rubruk. *Puteshestvie v Vostochnye strany* (3-e izd.) [Itinerarium]. *Kniga Marko Polo* (4-e izd.) [Book of Marco Polo]. Vstup. st., kommentar. M.B. Gorunga. Moscow, Mysl' Publ., 1997, pp. 192–380. (In Russian)

26. Klyashtornyy S.G., Sultanov G.I. *Gosudarstva i narody evraziyskikh stepey. Drevnost' i srednevekov'e* [States and Peoples of the Eurasian Steppes. Ancient Times and Middle Ages]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2000. (In Russian)

27. Kradin N.N., Skrynnikova T.D. *Imperiya Chingis-khana* [The Empire of Chinggis Khan]. Moscow, Izd. Firma Vostochnaya literatura Publ., 2006. (In Russian)

28. Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition, History of Settlement]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russian)
29. Kumekov B.E. *Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam* [The State of the Kimaks in the 9th–11th centuries according to Arabic Sources]. Alma-Ata, «Nauka» Kazakhskoy SSR Publ., 1972. (In Russian)
30. Kumekov E.B. Etnokul'turnye kontakty kypchakov i tatar (po arabo-persidskim istochnikam) [Ethno-Cultural Contacts between Kypchaks and Tatars]. *Istoriko-kul'turnye kontakty narodov altayskoy yazykovoy obshchnosti. Tez. dokl. XXIX sessii Postoyannoy mezhduнародной altaisticheskoy konferentsii (PIAC). Tashkent, sentyabr', 1986. I. Istoriya, literatura, iskusstvo* [Historical and Cultural Contacts of the Peoples of the Altaic Language Group. Proceedings of the XXIX Session of the Permanent International Altaic Conference (PIAC). Tashkent, September, 1986. History, Literature, Art]. Moscow, 1986, pp. 39–40. (In Russian)
31. Kyzlasov L.R. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentral'noy Azii* [Essays on the History of Siberia and Central Asia]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1992. (In Russian)
32. Kyuner N.V. *Kitayskie izvestiya o narodakh Yuzhnoy Sibiri, Tsentral'noy Azii i Dal'nego Vostoka* [Chinese Information about the Peoples of Southern Siberia, Central Asia and the Far East]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961. (In Russian)
33. Lubsan Danzan. *Altan Tobchi (Zolotoe skazanie)* [The Golden History]. Per. s mong., vvedenie, komment. i prilozh. N.P. Shastinoy. Pamyatniki pis'mennosti Vostoka. X. Moscow, 1973. (In Russian)
34. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv. (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochineniy)* [Materials for the History of Kazakh Khanates of the 15th–18th centuries (extracts from Persian and Turkic writings)]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. (In Russian)
35. Parunin A.V. Klan bargut / burkut v politicheskoy istorii chingizidskikh gosudarstv XIII–XVI vv. [The Clan Bargut / Burkut in the Political History of Chinggisid States of the 13th–16th centuries]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2012. Is. 4., pp. 131–143. (In Russian)
36. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 2. Ipat'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 2: Hypathian Chronicle]. Moscow, 2001. (In Russian)
37. *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Vol. 1. Lavrent'evskaya letopis'* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 1: Laurentian Chronicle]. Moscow, Nauka Publ., 1962. (In Russian)
38. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. I, kn. 1(a) – 2(b). Moscow, NITs «Ladimir», 2002. (In Russian)
39. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. II(v) – III(g). Moscow, NITs «Ladimir», 2002. (In Russian)
40. Rubruk Guillaume de. *Puteshestvie v Vostochnye strany* [Itinerarium]. Plano Carpini J. de. *Istoriya mongalov* [History of the Mongals] (3-e izd.). *Kniga Marko Polo* [Book of Marco Polo]. (4-e izd.). Vstup. st., komment. M.B. Gorunga. Moscow, Mysl', 1997, pp. 88–198. (In Russian)
41. *Sokrovennoe skazanie mongolov* [The Secret History of the Mongols]. Per. S.A. Kozina. Ulan-Ude: Buryatko kn. Izd-vo, 1990. (In Russian)
42. Trepavlov V.V. *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.: Problema istoricheskoy preemstvennosti* [The State System of the Mongol Empire of the 13th century: The Problem of Historical Continuity]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1993. (In Russian)

43. Ötemish Hajji. *Chingis-name*. Faks., perev., transkrip., tekst. prim., i issledovanie V.P. Yudina. Podgotovka k izd. Yu.G. Baranova. Komment. i ukaz. M.Kh. Abuseitovoy. Alma-Ata: Gylym Publ., 1992. (In Russian)
44. Fedorov-Davydov G.A. *Obshchestvennyy stroy Zolotoy Ordy* [The Social System of the Golden Horde]. Moscow, Moscow State University Publ., 1973. (In Russian)
45. Yüan-shih (Ofitsial'naya khronika dinastii Yuan') [Yüan-shih (Official Chronicle of Yüan Dynasty)]. in Khrapachevskiy R.P. *Voennaya derzhava Chingiskhana* [The Military Power of Chinggis Khan]. Moscow, OOO «Izdatel'stva AST»: OAO «VZOI», 2004, pp. 432–540. (In Russian)
46. Bregel J. The tribal tradition and dynastic history. *Asian and African studies. Journal of the Israel Oriental Society*. 1982. Vol. 16, pp. 357–398.
47. Golden B.P. *Ethnicity and state formation in pre-Chinggisid Turkic Eurasia*. Indiana university, 2001.
48. Golden B.P. *Studies on Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Ed. by Cătălin Hriban. București-Brăila, 2011.
49. Golden P.B. Cumanica I. The Qipchaqs in Georgia. *AEMA*. Vol. IV. 1984, pp. 45–87.
50. Ivanics M., Usmanov M.A. *Das Buch der Dschingis-Legende (Däftäri Čingiz-namä)*. I. (Vorwort, Einführung, Transkription, Wörterbuch, Faksimiles). Studia Uralo-Altica 44. Szeged, 2002. (In German)
51. May T. *The Mongol conquests in World history*. London, Reaktion Books LTD, 2012.
52. Pritsak O. From Sabirs to Hungarians. *Hungaro-Turcica. Studies in Honor of Julius Németh*. Ed. By Kaldy Nagy. Budapest: Lokánd Eötvös university, 1976, pp. 17–30.
53. Schamiloglu U. *Tribal Politics and Social Organization in the Golden Horde*. Columbia University, 1986. (Ph. D. dissertation).
54. *The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid age*. Ed. by Nicola di Cosmo, Allen J. Frank and Peter B. Golden. Cambridge university Publ., 2009.
55. *Tabakat-i Nasiri: A General History of the Muhammadian Dynasties of Asia, Including Hindustian; from a.h. 194 (810 a.d.) to a.h. 658 (1260 a.d.) and the Irruption of the Infidel Mugals into Islam by Maulānā, Minhaj-ud-dīn, Abū-' Umar-i-' Usmān [ibn Sirajal-din al-Jouziāni]*. Vol. I (a)–II (b). New Delhi: Oriental Books Reprint Corporation, 1970.
56. Əbelgazzy Bahadır khan. *Shəjərarəi tərək*. Kazan, 2007. (In Tatar)

About the author: Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, **ORCID:** <http://orcid.org/0000-0002-7556-8667> (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Received January 11, 2017

Accepted for publication May 5, 2017

Published June 30, 2017